

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**НАМАНГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И
ЛИТЕРАТУРЫ**

Жизнь жанра в творчестве Н.С. Лескова

**Выпускная квалификационная работа Юлдашевой
ЧулпонАвасовны, представленная на соискание
степени бакалавра по направлению
5111300 – родной язык и литература (русский язык и литература
в иноязычных группах)**

Научный руководитель – канд. пед. наук, доцент Е.В.Чжен.

Рецензент – канд.пед. наук, доцент Носиров К.Н.

Наманган – 2016 г.

Содержание

- Введение
- Часть 1 Работы Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова по вопросам духовности, мирового финансового кризиса, иностранных инвестиций и концепции дальнейшего углубления и развития государственного реформирования.
- Часть II. Публицистика в творчестве Н. Лескова.
Часть III. Первые рассказы и повести.
Часть IV. Повесть «Овцебык». Роман «Некуда».
Часть V. Место романа «Соборяне» в творчестве Н.Лескова.
- Заключение.
- Список использованной литературы.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется особым значением творчества Николая Семёновича Лескова в развитии гуманистических представлений многих поколений читателей. И с этой точки зрения представляется необходимым обратиться к одному из наиболее важных вопросов в его художественном наследии – творческой эволюции и проблеме освоения новых жанровых форм.

Несомненно, что эти поиски новых форм были связаны с глубокими задачами психологического характера, с желанием автора познать действительность, определить своё, авторское, к ним отношение.

Предметом исследования стали произведения Николая Семёновича Лескова разных жанровых форм – от первых публицистических произведений, рассказов и повестей до крупных жанровых форм (романов «Некуда» и «Соборяне»).

Цель работы: нам было важно раскрыть один из наименее исследованных вопросов в художественной эволюции Лескова - поиски истоков его романного творчества через освоение публицистических жанров, утверждение повести и рассказа как основных жанровых форм – к широкому изображению действительности.

Задачи исследования:

- Проанализировать статьи, монографии, посвящённые изучению творчества Н.С.Лескова;
- Изучить теоретические труды ведущих литературоведов в плане освещения избранной нами проблемы.
- Проанализировать эстетическую программу писателя и продемонстрировать ее художественное решение на примере анализа образов произведений.
- Показать особенности изображения взаимоотношения героев в свете эстетических представлений Лескова.

- Выявить общее и частное в обрисовке характеров главных героев.
- Сделать ряд самостоятельных выводов по проблеме.

Структура работы состоит из введения, пяти частей, заключения и списка использованной литературы. Во введении определена актуальность исследования, предмет, задачи, цели, новизна и практическая значимость.

Научная новизна исследования состоит в том, что в ней систематизирован материал по творческой эволюции освоения различных жанров Н.С.

Лескова – от первых публицистических работ, через художественную разработку повести к утверждению основных принципов романа.

В заключении сделан ряд выводов.

Основными методами исследования были сравнительно – сопоставительный и контекстный анализ произведений.

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в курсе изучения «История русской литературы 19 века» и при чтении спецкурса «Особенности русского реализма».

Часть 1. Труды Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова по вопросам духовности, мирового финансового кризиса, иностранных инвестиций и концепции дальнейшего углубления и развития государственного реформирования.

Независимость Узбекистана, его открытость миру – это благодатная почва, на которой наш духовный потенциал будет все быстрее расти, опираясь на постоянно расширяющиеся международные связи не только государства, но и общественности. Сегодня народ Узбекистана смело стремится к самому лучшему в образовании, науке и технике, культуре и искусстве, что создано всеми народами и государствами.

Будущее нашего государства и его народа прежде всего зависит от него самого, от духовной энергии и творческой силы его национального сознания. Естественное стремление материальному благополучию не должно заполнять необходимость духовного и интеллектуального роста нации. Духовность и просветительство всегда были самыми сильными отличительными чертами нашего народа на всем протяжении его многовековой истории.

Именно в сочетании наших традиционных ценностей с ценностями современного демократического общества – залог нашего будущего процветания, залог интеграции нашего общества в мировое сообщество.

В одной из наиболее значимых работ Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова «Узбекистан на пороге достижения Независимости»(2011г.) раскрываются немеркнущие страницы нашей истории, ее трудный путь к Независимости.

«Каждый желающий иметь полное представление о новейшей истории Узбекистана, становлении его Независимости, обращается к

жизни и деятельности Ислама Абдуганиевича Каримова, чье глубокое государственное мышление, умение не только предвидеть, но и просчитать будущие шаги на многие годы, десятилетия вперед, получили достойное признание в Узбекистане и далеко за его пределами»(5,3).

В работе приведены реальные цифры и факты по стране, свидетельствующие о ее истинном социально-экономическом положении, а также сделан анализ по другим республикам. «Автор убедителен в каждой своей мысли и слове, подтверждаемыми конкретными фактами и цифрами, логикой изложения и выводами»(5,8).

Делая выводы, глава нашего государства подчеркивает в книге: «Суверенитет надо наполнять не лозунгами свободы, а политическим, экономическим, духовным содержанием»(5,306).

В работе Президента нашей страны И.А. Каримова «Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана» подробно анализируется процесс развития нашего государства в условиях сложной международной обстановки на современном этапе.

«Самая актуальная проблема сегодняшнего дня — это разразившийся в 2008 году мировой финансовый кризис, его воздействие и негативные последствия, поиск путей выхода из складывающейся ситуации. Скорейший выход из мирового финансового кризиса и смягчение его последствий во многом зависит от эффективности и согласованности принимаемых мер в рамках отдельных государств и мирового сообщества в целом.

Мы выбрали эволюционный подход в процессе перехода от административно-командной к рыночной системе управления, путь постепенных и поэтапных реформ, действуя по известному принципу: «не построив нового дома, не разрушай старый»(2, 4).

И что было особенно важным — для того, чтобы не подвергаться влиянию стихии и хаоса, мы четко определили, что в переходный период

именно государство должно взять на себя ответственность главного реформатора. В Узбекистане созданы достаточный запас прочности и необходимая ресурсная база для того, чтобы обеспечить устойчивую и бесперебойную работу нашей финансово-экономической, бюджетной, банковско-кредитной системы, а также предприятий и отраслей реальной экономики».

«В этих обстоятельства особая роль отводится интеллектуальному потенциалу страны, нравственным ориентирам молодого поколения, приобщения его к мировым художественным ценностям, которые рождают у ищущей молодежи стремление к нравственным, художественно-эстетическим идеалам».

Как следствие этого, немаловажное значение имеют иностранные инвестиции, которые понимаются нами как интеллектуальные инвестиции, связанные с разработкой конкретной проблематики в рамках нашего исследования.

Часть 2. Публицистика в творчестве Н. Лескова.

Особая направленность творческих исканий Лескова, своеобразие его общественно-литературной позиции во многом были определены складом личности писателя и обстоятельствами его долитературной судьбы.

Лесков пришёл, в литературу, минуя этап «философских штудий», характерный для духовного самоопределения писателей, сложившихся под влиянием передовых кружков 30—40-х годов. «Трезвомысленно» оценивая впоследствии своё прошлое, он называл себя «малообученным» для литературного дела и горько сетовал на свою изолированность от людей «лучших умов и понятий», осложнившую его «трудный рост».

В литературном объяснении по поводу романа «Некуда» он писал о себе и о писателях сходной с ним жизненной школы: «Мы не те литераторы, которые развивались в духе известных начал и строго приготавливались к литературному служению. Нам нечем похвалиться в прошлом: оно у нас было по большей части и мрачно, и, безалаберно. Между нами почти нет людей, на которых бы лежал хоть слабый след благотворного влияния кружков Белинского, Станкевича, Кудрявцева или Грановского. Мы, плачевные герои новомодного покроя, все посрывались, «кто с борка, кто с сосенки». Время нас делало литераторами, а не наши знания и дарования» (15,76).

И, тем не менее, в обстоятельствах дописательской жизни Лескова была и своя, в высшей степени выгодная сторона, которая определила его известные преимущества перед современниками в решении новых художественных задач. Сын чиновника, выслужившего дворянство и поселившегося на маленьком орловском хуторе, внук сельского священника, племянник опекавшего его впоследствии киевского профессора, он уже по своим родственным связям оказался с детства близок самым

разным и более всего низовым общественным слоям.

Рано начавшаяся и продолжавшаяся в течение многих лет чиновничья служба Лескова, сначала в уголовной палате Орловского суда, затем в Киевском рекрутском присутствии, а позже коммерческая служба у Шкотта, потребовавшая от него частых и дальних разъездов по России, расширила и обогатила его опыт практического знакомства с русской жизнью «там, во глубине России» (Некрасов). Дорожа своей глубокой, выстраданной причастностью к ней, Лесков впоследствии не раз противопоставит свой опыт «бывалого человека», который исходил и изъездил всю Россию от Белого моря до Чёрного, тем поверхностным впечатлениям о русской жизни, которыми довольствуются порой писатели-«сорохваты», наблюдая ее из окошка скорого поезда.

С 1860 г. Лесков начал печатать свои первые корреспонденции и вскоре литература стала главным делом его жизни. Появление недавнего провинциального чиновника на арене петербургской и московской журналистики, быстрое превращение его в писателя-профессионала было характерно для русской жизни 60-х годов. Н. С. Курочкин так вспоминал впоследствии особую атмосферу этих лет: «Начинался если не на деле, то, по крайней мере, в страстных пожеланиях какой-то ещё не определившийся, но давно необходимый, общий обновляющий настрой жизни. Слышались неслыханные до того слова и речи, обнаруживались новые стремления, закипала какая-то непривычная деятельность, и повсюду и всеми чувствовалась потребность какого-то нового дела, новых людей и деятелей... Ответом на эту потребность начали появляться какие-то необыкновенные провинциальные и губернские секретари, которые уже не удовлетворялись исполнением своих чиновничьих обязанностей и из узкой сферы отношений и предписаний уносились мыслью в области науки, искусства и литературы, и задумывались о приложении своих молодых сил к общественной деятельности, вдруг почему-то ставшей для всех необходимостью» (13,47).

Литературная деятельность была для Лескова прежде всего наиболее органичной и действенной формой общественного служения, которому он отдался со всей присущей ему горячностью, глубоко веря в возможность обновления русской жизни в духе гуманистических идей эпохи. Первые газетные и журнальные выступления писателя, посвящённые злободневным вопросам русской жизни, проникнуты уверенностью в том, что его критические замечания и предложения согласуются с общим преобразовательским духом времени, с намерениями правительства, вставшего на путь реформ и преследующего якобы те же самые цели экономического, и культурного прогресса страны. Эту веру в эпоху и своё желание всемерно помочь начинающемуся переустройству русской жизни Лесков неоднократно декларирует в своих статьях. В «Очерках винокуренной промышленности» он пишет: «С некоторого времени мы начинаем сознавать, что в деле народного благосостояния мы шли по пути заблуждения, на котором прежнее самодовольство заставляло нас встречать громким противоречием всякую новую мысль, всякий новый приём к изменению или развитию какого-либо экономического начала. Мы стали чувствовать дыхание новой атмосферы; освежающий воздух пробуждает нас от долгой томительной дремоты, и теперь только, раскрыв глаза, мы замечаем, как тесны, как жалки рамки нашего экономического быта... - Что ж делать? Пусть каждый из нас возьмёт на свою долю тот угол, в котором он живёт, взглянет на экономический быт его, сделает верную оценку каждому явлению своего угла и скажет: ускоряет или замедляет оно развитие народного благосостояния».

В позиции, которую защищает здесь Лесков, есть нечто общее с той, которую в своё время избрал Гоголь: «Пусть каждый возьмёт в руки... по метле! И вымели бы всю улицу...» (6,139). Недаром эти памятные слова из «Ревизора» Лесков будет часто цитировать в своих корреспонденциях и статьях. Эта позиция во многом определит тот пафос большой нравственной взыскательности, обращённой к каждой отдельной личности,

которым будут проникнуты художественные произведения писателя.

В то же время она таит в себе и неизбежность будущего расхождения Лескова с революционными демократами, апеллирующими в своих надеждах на обновление русской жизни не к самосознанию отдельной личности, а к социальной активности народа, которому, по их убеждению, пришла пора выступить на исторической арене.

Следуя провозглашённому им принципу, окрылённый высокой целью служения народному благу, Лесков развивает кипучую журналистскую деятельность: он пишет множество статей, посвящённых критике разного рода «общественных неправд» (15,75).

Излюбленная тема писателя-приниженность личности в России, где она лишена самых элементарных прав. Причём более всего его тревожит положение простого рабочего люда.

В статье 1861 г. «О наёмной зависимости» Лесков выступает против попыток воскрешения феодальных методов эксплуатации, основанных не только на использовании труда работника, но и на полном закабалении его личности. Он пишет: «Ни в одной стране, где труд - свободное достояние человека, не думают, что нанялся, значит проданся. Везде человек отдаёт только свой труд, а у нас он нанимается сам, он продаёт нанимателю не только свой определённый труд, но все свои мышцы, своё дыхание, свои убеждения и нередко даже свою честь... Пора уважать в людях неотъемлемые права человеческой свободы» (24,146).

В другой своей статье «О найме рабочих людей», полемически направленной против крепостнического проекта А. Бенедского, Лесков осуждает выдвижение этого проекта как безобразный, аморальный поступок, не совместимый с принципами честного человека.

Тем же стремлением воспротивиться произволу проникнута статья Лескова о мальчиках, находящихся в услужении у купцов, «Торговая кабала».

Внимание писателя сосредоточено в ней на развращающем влиянии

на детей той школы кабального холопства, которую они проходят у лавочников. По убеждению писателя, ребёнку, выходящему из неё, неведомы понятия о чести, о долге, о нравственности. «Развитие для него невозможно... Коснение — его неизбежный удел» (25,65).

Таким образом, в центре внимания писателя оказываются этические проблемы, но в решении их уже в его ранних статьях проявляется воинственно-демократическая позиция.

При всей озабоченности проблемами освобождения простолюдина из-под власти «духовного крепостничества», Лесков как человек большого практического опыта не может игнорировать власть, материальных обстоятельств, в которых живёт народ. Поэтому в своих статьях он защищает его экономические интересы, обнаруживая при этом дотошное знание мелочей народного быта. Так, в рецензии на книгу Е. Маслова «О влиянии различных видов поземельной собственности на народное богатство» и в статье «О переселенных крестьянах» Лесков полемизирует с противниками наделения крестьян землёй, видя в подобных публицистах прямых предателей народных интересов, отстаивает право народа на землю. «Да не вырывают у него из-под ног почвы, без которой он в положении, отведённом труду и капиталу, непременно удавится во славу науки и ее сикофантов», — пишет Лесков, имея в виду крестьянина.

Заботой о материальном благе народа продиктованы и статьи Лескова «О русском расселении и политико-экономическом комитете», где он стремится найти наиболее выгодное народу решение вопроса о переселении, и «Очерки винокуренной промышленности», в которых писатель выступает против привилегии дворянства на доходный промысел и требует передачи последнего в руки крестьян.

В ряде других своих статей («Вопрос об искоренении пьянства», «Заметка о зданиях», «О рабочем классе»), пронизанных духом «честной практичности», Лесков высказывает немало деловых соображений относительно строительства общественных зданий: школ, больниц, тюрем,

пивных, общежитии. Он доказывает, что в настоящем своём положении они угрожают здоровью простых людей.

Желанием защитить народные интересы была продиктована и статья Лескова в киевской газете «Современная медицина» о взяточничестве врачей, отнимавших у крестьян их последние трудовые гроши («Несколько слов о врачах рекрутских присутствий»).

В другой статье, опубликованной в той же газете, Лесков выражает недовольство тем гражданским равнодушием, которое проявляют врачи в отношении к бытовому укладу народной жизни. Он призывает врачей изучить, какое влияние оказывает на простолюдина питание постной пищей, «содействуют ли возобновлению в человеке рабочих сил те сто праздничных дней в году, в которые русский человек считает предосудительным не освободить себя от всяких безвредных занятий», «сколько встречается в медицинской практике болезней, происходящих от побоев и разного рода насилий, произведенных камадами после дружеских возлияний...» (26,271).

Освещая в своих статьях многие самые неблагоприятные стороны народного быта, не ведая страха перед его «прозаизмами», Лесков горячо спорит с эстетствующими литераторами, проявляющими барскую беззгливость к тому, «что отвратительно на взгляд и скверно воняет. Оберегая свою эстетику, они оставляют бедный народ безгласно страдать и нюхать эту вонь...»(26,272).

С особой запальчивостью писатель спорит с теми, чье «воображение воспламеняется и слова льются при виде роскоши, вкуса и богатства в убранстве чертогов». Более полезно, на его взгляд, показывать публике зрелище народной нищеты. «Пора нам отвыкнуть от мысли,— заявляет Лесков, что предметом литературы должно быть что-нибудь особенное, а не то, что всегда перед глазами... Сбросив вековой хлам предубеждений, мы ощутим себя близкими к жизни наших меньших братии и сумеем помочь им вовремя и кстати...» (26,277).

Значительное место в статьях Лескова начала 60-х годов занимает вопрос о просвещении народа. Именно ему, в частности, посвящена статья писателя «Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению». С горькой иронией цитирует в ней Лесков решение Комитета грамотности «заботиться только о распространении начальных сведений, т. е. обучении чтению, письму и арифметике». Такая программа представляется писателю слишком узкой и ограниченной. Ссылаясь на собственный педагогический опыт, Лесков пишет: «...я полагаю, что полезнее стремиться соединять с обучением грамоте распространение некоторых научных сведений, а не стараться вовсе изгонять последние из круга первоначального обучения. Здесь есть возможность всегда действовать так, что одно не будет идти в ущерб другому»(29,21).

Подобно Л. Толстому, Лесков утверждал, что образование нельзя вводить принудительными мерами, ибо народ уже так запуган всякими принуждениями, что и на обязательное образование может посмотреть как на очередное насилие: «Как бы ни мягка была принудительная мера, она все-таки есть мера, неблагоприятная народному счастью, которое никакой комитет не вправе топтать или приносить его в жертву даже такой благородной цели, каково распространение грамотности. Никакая благородная цель не оправдывает мер, противных принципам человеческого счастья, а законная свобода действий всегда и везде почиталась залогом счастья, и ни один народ никогда не благословлял .принудителен; а в то же время и все прививаемое насильственно принималось медленно, непрочно и давало плоды нездоровые».

Итак, протест против крепостнического рабства, защита свободы личности, отстаивание экономических и культурных интересов народа—таков пафос ранних статей Лескова.

Требования Лескова не выходили за рамки либеральной программы, однако в то же самое время это общедемократические требования,

имевшие в эпоху ломки феодальных отношений большое общественное значение.

Естественно, что в 60-х годах — в период ломки крепостнических порядков — борьба с ними была в высшей степени прогрессивна и актуальна. Наиболее решительно повели ее в это время революционные демократы. Лесков в своем протесте против крепостнических начал в русской жизни отнюдь не разделял их революционных идей, и тем не менее, нападая в статьях на новоявленных крепостников, выступая против насилия крепостнических традиций в народном быту, писатель выполнял важнейшую задачу литературы своего времени, которую Добролюбов сформулировал так: «Теперь дело литературы — преследовать остатки крепостного права в общественной жизни и добывать порождённые им понятия» (10,56). Преследовать остатки крепостничества означало бороться за раскрепощение личности, за признание ее неотъемлемых человеческих прав. Свобода личности — одно из важнейших общедемократических требований, выдвигаемых передовой журналистикой и литературой 60-х годов.

У Чернышевского и Добролюбова идея свободы личности осмыслялась в духе их революционных устремлений. Лесков был далек от такой ее интерпретации, однако многочисленные выступления писателя против всякого рода нравственной кабалы, в которой пребывал в России простой человек, против его неразвитости, невежества, приниженности отвечали историческим потребностям эпохи, знаменующей крушение феодальных порядков.

С проблемой свободы личности был сопряжён вопрос о женской эмансипации, широко дискутировавшийся в начале 60-х годов на страницах русской и заграничной прессы. В постановке и решении его Лесков также был в известной степени, близок передовому общественно-литературному лагерю. Неслучайно эпиграфом к своей статье о женском вопросе «Русские женщины и эмансипация» Лесков взял слова Милля,

взгляды которого разделял и пропагандировал «Современник». По своей основной направленности эта статья Лескова близка известному циклу статей М. Л. Михайлова, опубликованных в «Современнике» под заглавием «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (1860). Как и Михайлов, Лесков требует уточнения самого понятия «эмансипация», оберегая его от обывательского истолкования как распущенности, и утверждает, что без образования и приобретения профессиональных навыков женщинам трудно обеспечить себе самостоятельное положение в обществе; наконец, писатель прямо заявляет о своей солидарности в этом вопросе с известным публицистом «Современника»: «Слава богу, что большая часть русских, писавших об этом предмете, согласна в одном, по нашему мнению, самом существенном положении, что участь русских женщин в семье и в обществе должна быть улучшаема, что пробуждающееся русское общество должно уважать в женщине свободного человека. Эта мысль с большею или меньшею требовательностью проведена во всех статьях Михайлова, упрекаемого в некоторых крайних стремлениях...» (16,55).

Правда, согласие Лескова с Михайловым во взгляде на женскую эмансипацию отнюдь еще не означало его единомыслия с наиболее последовательными идеологами революционной демократии Добролюбовым и Чернышевским. Чернышевский, понимавший невозможность решения этого вопроса в существовавших тогда конкретно-исторических условиях, не мог не проявлять некоторого скептицизма к статье Михайлова. О его отношении к ней Н. В. Шелгунов вспоминает так: «Чернышевский не придавал ей особенного значения, потому что «женский вопрос» не считал первым и думал другую думу; но читатели, особенно женщины, отнеслись к проповеди о равенстве и свободе иначе, и статья читалась нарасхват. Не смею утверждать, что именно статья Михайлова создала в России «женский вопрос», но верно то, что она его очень двинула вперед».

Чернышевский и Добролюбов постоянно высмеивали витийство либеральных публицистов и нередко пародировали их длинные трескучие периоды, восхвалявшие реформу.

Это витийство претит и Лескову. В его собственных публицистических статьях нет подобных восторженным излияний, ибо основной пафос выступлений писателя - не пафос удовлетворения, а пафос критики, всего того, что мешает движению страны вперед. Как уже указывалось выше, он смотрит на действительность глазами опытного практика, уверенного в возможности реализации его замечаний. С этим связана композиция статей писателя: значительное место в каждой из них занимает обычно строгий деловой разбор рассматриваемого явления, затем делается чёткий вывод из сказанного и далее следует перечень мер, предлагаемых для устранения существующего зла. Лаконизм и деловитость стиля Лескова особенно дают себя знать в его статье «Очерки винокуренной промышленности», где, описывая состояние этого промысла в Пензенском крае, он приводит статистические таблицы, точно демонстрирующие хозяйственные показатели, по пунктам перечисляет все возможные выгоды от него и затем делает вывод о необходимости лишить дворянство привилегии на эту доходную отрасль хозяйства.

По деловому тону и гуманистической направленности подобные статьи Лескова примыкали к выступлениям в печати таких публицистов демократического лагеря, как Н. А. Серно-Соловьевич, Н. В. Шелгунов, А. П. Щапов, Г. З. Елисеев и др., писавших о народных нуждах, о неустройствах народного быта.

Однако, разумеется, позиция Лескова была весьма отлична от позиции революционных демократов. Иной была, прежде всего, оценка текущего исторического момента.

Чернышевский и Добролюбов в начале 60-х годов, когда начинал свою литературную деятельность Лесков, уже не питали никаких иллюзий насчёт успешного решения коренных вопросов русской жизни силой

общественного мнения, мирным путём. Так, во внутреннем обозрении августовского номера «Современника» за 1861 г. Добролюбов многозначительно рассуждал о переменчивости и обманчивости «весны», подразумевая под ней эпоху либеральных реформ.

Лесков же в эти годы был полон веры в искренность заявлений правительства, обещавшего широкие преобразования, в силу и единство общественного движения за обновление русской жизни, в культурно-экономические преобразования страны.

Разоблачая несостоятельность либерального обличительства, Чернышевский и Добролюбов подводили читателей к пониманию необходимости революционного преобразования русской жизни; Лесков выступал принципиальным противником революции, защитником медленного, постепенного общественного прогресса.

Началась полемика Лескова с «Современником», которая по мере своего развития приобретает все более резкий и враждебный характер.

Близко соприкоснувшись во время своей чиновничьей и коммерческой службы с невежеством народа, забитостью крестьян, с их детской беспомощностью перед любым, даже самым маленьким начальником, Лесков пришёл к выводу о необходимости общедемократических преобразований в духе просветительских идей его времени. Как справедливо пишет В. Ю. Троицкий, «чувствуя необходимость социальных изменений в России, Н. Лесков настойчиво, но безуспешно искал путей этих преобразований в преображении народной личности через просвещение, «гуманизирующую» религию и «естественное стремление к добру». В своих газетных статьях писатель любил повторять слова Гейне о том, что народ грязен и его надо сводить в баню. Если в момент наибольшего обострения революционной ситуации Лесков и готов был допустить возможность крестьянского восстания, то оно рисовалось в его воображении как стихийный бунт, разгул самых темных и разрушительных сил народной жизни.

Опасаясь кровопролитной резни, Лесков встаёт в оппозицию по отношению к революционной партии. Впоследствии об этом идеологическом размежевании писатель вспоминал так: «Вскоре за этим в литературе последовал великий раскол: из одного лагеря, с одним общим направлением к добру, образовались две партии «постепеновцев» и «нетерпеливцев»... Я тогда остался с постепеновцами, умеренность которых мне казалась более надежной. За это я был порицаем много» (28,23).

Большинство полемических статей Лескова против «Современника» было написано им в годы его работы, в редакции умеренно-либеральной в это время газеты «Северная пчела» (1861 —1863) и опубликовано на ее страницах. Это многочисленные внутренние обозрения газеты. Все они не подписаны Лесковым, однако редакционное заявление о принадлежности ему большинства передовых статей по русским вопросам за 1862 г. и прямое обращение к писателю в полемическом выступлении «Современника» против «Северной пчелы» позволяют установить авторство Лескова.

В критике революционных демократов Лесков во многом продолжает разрабатывать именно те мотивы, которые прозвучали уже в его первой статье против «Современника», напечатанной в 1861 г. в газете «Русская речь» («О замечательном, но неблагоприятном направлении некоторых современных писателей»). По-прежнему главное, что заставляет Лескова выступать против журнала,— это революционная теория его руководителей, которая представляется ему абстракцией, книжным домysлом, не имеющим ничего общего с реальным состоянием русской жизни. «Такие люди,— пишет он о почитателях Чернышевского в одной из статей,— не от мира сего, и мир наш, русский мир, не имеет ничего общего с их приятной теорией... В ожидании, пока широколобые теоретики пересоздадут существующий строй человеческих обществ, нам кажется очень приличным поискать возможности видеть больше гармонии

в существующем порядке вещей»(23,94).

Глубоким заблуждением «теоретиков» Лесков считал их взгляд на значение в развитии общества материального прогресса; с точки зрения писателя, именно нравственное, духовное совершенствование общества составляет собой решающее условие исторического преуспевания. Недаром Лескову запомнилась статья В. Даля «Отойдём да поглядим, хорошо ли мы сидим». «Мы сами должны сделаться годными и достойными, тогда только дело рук наших и ума нашего будет годно и достойно», - писал Даль. Позже в своих дорожных очерках Лесков с сочувствием припоминает его статью(9,77).

Решительно расходясь с революционными демократами в представлениях о путях обновления русской жизни, Лесков тем не менее и в период наибольшего обострения идейного конфликта с ними продолжал питать искреннее и глубокое уважение к личностям таких выдающихся деятелей освободительной эпохи, как Чернышевский и Герцен, и охотно солидаризировался с ними на платформе «легальной» деятельности, имеющей прогрессивный общественный характер.

Так, в одном из обзоров, напечатанных в той же «Северной пчеле», он горячо поддерживает экономические суждения Чернышевского о современном русском бюджете: «Мы ничего не можем прибавить к сказанному Чернышевским и совершенно во всем разделяем его мнение» (28,53).

Ещё более показательна в этом отношении статья Лескова о романе Чернышевского «Что делать?» Современные исследователи не случайно проявляют большой интерес к этому выступлению Лескова, которое представляется особенно значительным на фоне общего крайне недоброжелательного отношения к роману либерально-консервативной прессы. " Восприняв положительную программу этого романа как близкую его собственному «постепеновству», вольно или невольно игнорируя ее революционный пафос, Лесков с одобрением отзываясь о ней в своей

рецензии: «Чернышевский заставляет делать такое дело, которое можно сделать во всяком благоустроенном государстве, от Кореи до Лиссабона. Нужно только для этого *добрых людей*, каких вывел Чернышевский, а их, признаться сказать, очень мало»(23,56). С присущей ему, определённой симпатий и антипатий, Лесков выражает в этой рецензии своё безусловное приятие главных, героев романиста. Ему в высшей степени импонирует нравственный облик «новых людей», которых, по его мнению, лучше было бы назвать «хорошие люди»: это «люди очень мягкие, с которыми каждому легко, которые никого не обрывают, а терпеливо идут к своей предположенной цели, заботясь прежде всего о водворении в общине самой широкой честности, свободы отношений и взаимного доверия» (23,59). Он решительно противопоставляет этих «настоящих нигилистов» приставшим к ним приспособленцам, «окричавшим себя нигилистами», а также «нигилистам-нетерпеливцам», считая их в подавляющем большинстве «нигилистствующими Рудинскими».

Говоря об этой статье писателя, Л. Г. Чуднова справедливо замечает, что, силу Чернышевского Лесков видит прежде всего в том, что автор предстаёт в своём романе не как «заоблачный летатель», «беспардонный теоретик», а как практик, учитывающий конкретные исторические условия деятельности и показывающий, что «умные люди могут стать твёрдо и найти себе «что делать» в нынешнее время и при нынешних обстоятельствах».

Напечатанная вскоре после разбора «Что делать?» статья Лескова «Литературно-полемический вопрос», напротив, по крайней резкости своего тона превосходит все, написанное им прежде против «Современника», и это объясняется тем, что в ней речь идёт именно о революционной теории Чернышевского и его приверженцев. Подобной же двойственностью отличаются и отзывы Лескова о Герцене и его деятельности, к которой он постоянно проявляет самый живой интерес. Писатель неизменно отдаёт дань уважения гуманной личности Герцена и

яркости его литературного таланта.

В очерках «Русское общество в Париже» (1867), написанных на материале его заграничных впечатлений, Лесков признается, что, уезжая из России, он имел неременное намеренье увидеть Герцена и говорить с ним.

В более поздних «Русских общественных заметках», откликаясь на известие о смерти Герцена, Лесков пытается по-своему проникнуть в тайну личности этого писателя, поражающей его драматизмом своей внутренней жизни. «Суд над Герценом нашими общественными людьми был произнесен тысячекратно, но едва ли то когда-нибудь был суд правильный. Герцена то безусловно хвалили, то безусловно порицали; а он не стоит ни того, ни другого. Он был человек больших дарований и громадной неопытности; человек страстных симпатий и самых упрямых антипатий; он был сыном мира, работавшим вражде; фантастический верователь, разженный фальшивыми монетчиками на грошовое безверие...» (30,90).

В обзрении, «Русские литературные забавы», напечатанном в той же газете год спустя, Лесков утверждает: «Можно сказать положительно, что после Гоголя из всех русских писателей сатирическая язвительность давалась больше всех только Герцену и Щедрину...». Комментируя на страницах «Северной пчелы» речь Герцена, произнесенную при открытии публичной библиотеки в Вятке, Лесков придает ей «Два важных по современным обстоятельствам значения: 1) призывание людей к почтению, которое человек обязан оказывать науке, и 2) указание, как Герцен держал себя тогда в тех условиях, в которые он был поставлен, и в них умел служить честному делу, не драпируясь ни в какие багряные тоги и никого не увлекая к «опасным занятиям», в известных условиях положительно вредным...»(29,265).

Так, в полемике с революционными демократами Лесков снова и снова повторяет мысль, которую он высказал в одной из самых ранних статей («Очерки винокуренной промышленности»). Идее революционного

действия он настойчиво противопоставляет свое убеждение в том, что интересы общественного преуспеяния будут вполне обеспечены, если осуществить «простой» принцип: пусть каждый хорошо делает свое дело. В «Русских общественных заметках» он пишет об этом, опираясь на авторитет Гоголя и Толстого: «Гоголь в «Ревизоре» говорит: «Пусть каждый берет в руки по метле и метет свою улицу». Л. Н. Толстой, сводящий в своем последнем романе все к органическому взаимодействию, в сущности, держится того же. Он как бы поддерживает Сквозника-Дмухановского, который, сколь ни горячился по поводу внезапного появления ревизора, а все-таки отдавал приказ, чтобы каждый мел свою улицу».

Естественно поэтому, что в литературной деятельности Лескова проблемы социально-политические должны были неизбежно уступить свое место нравственным проблемам. В то же время нравственные проблемы наполняются в осмыслении писателя большим социально-историческим содержанием: исторические судьбы страны в этот переходный момент определяются, по его убеждению, именно тем, достаточно ли объявится в обществе «хороших людей», людей твёрдых и энергических, способных к единению своих деятельных усилий в интересах прогресса.

Люди, не имеющие необходимой нравственной самобытности для того, чтобы честно исполнять «своё дело», приносят, по мнению писателя, большой урон обществу, и он не щадит их ни в своих публицистических выступлениях, ни в художественных сочинениях. А люди подобные русскому экономисту Журавскому, человеку высокой нравственной пробы, при всей ограниченности своих средств постоянно отдававшему значительную их часть на выкуп крепостных, обеспечивают исторический прогресс. О них Лесков с энтузиазмом рассказывает своим читателям в целой серии публикуемых им в газетах биографических очерков.

Полемизируя с теоретиками революционного демократизма, Лесков постоянно апеллирует к своему давно выношенному представлению о

реальном состоянии народной жизни. Так, в передовой статье «Северной пчелы», полемизируя с Герценом, он заявляет: «Мы, не хвастаясь и не увлекаясь, говорим, что мы знаем наш народ; из его собственных слов помним, что ему нужно, и хлопочем всякую из его нужд, какой бы она ни казалась мелочною пишущим бесплодные рассуждения «о материях важных»... Мы убеждены, что истинный либерализм должен способствовать всестороннему народному развитию тем путём, которым народ наиболее склонен идти» (28,138).

Позиции Лескова в полемике с «Современником» оказались близкими позициям Достоевского, который также упрекал революционных демократов в отрыве от стихии народной жизни и возражал против идеи о первостепенном значении материальной обеспеченности для блага общества. Отдавая должное критическому таланту Добролюбова, Достоевский, тем не менее, писал о нем: «Добролюбов — теоретик, иногда даже мечтатель и во многих случаях плохо знает действительность; с действительностью он обходится подчас даже уж слишком бесцеремонно: нагибает ее в ту и другую сторону, как захочет, только б поставить ее так, чтоб она показывала его идею.

Публицистика Лескова, во многом подготовившая его художественное творчество, убеждает нас в том, что исходная общественно-литературная позиция писателя, занимавшего обособленное положение в русской журналистике 60-х годов, несмотря на свойственную его сознанию «политическую невоспитанность», была, по своему существу демократической. Знакомство с многочисленными статьями Лескова, расширяя наше представление о его литературно-общественной позиции, подтверждает справедливость точки зрения, высказанной в свое время Б. М. Эйхенбаумом. Проявляя в своих суждениях должную «историчность», ученый утверждал, что демократизм Лескова и демократизм революционных демократов — это не абсолютно противостоящие друг другу, а родственные по своей глубинной основе явления в развитии

русского общественного и художественного самосознания.

В 60-х годах, когда в литературе и искусстве начало энергичнее высказывать себя пробуждающееся самосознание широких народных масс, демократизм Лескова был естественным и органичным явлением, имеющим тенденцию дальнейшего развития.

Выводы по 2 части.

Особая направленность творческих исканий Лескова, своеобразие его общественно-литературной позиции во многом были определены складом личности писателя и обстоятельствами его долитературной судьбы.

С 1860 г. Лесков начал печатать свои первые корреспонденции и вскоре литература стала главным делом его жизни. Появление недавнего провинциального чиновника на арене петербургской и московской журналистики, быстрое превращение его в писателя-профессионала было характерно для русской жизни 60-х годов.

Литературная деятельность была для Лескова прежде всего наиболее органичной и действенной формой общественного служения, которому он отдался со всей присущей ему горячностью, глубоко веря в возможность обновления русской жизни в духе гуманистических идей эпохи. Первые газетные и журнальные выступления писателя, посвящённые злободневным вопросам русской жизни, проникнуты уверенностью в том, что его критические замечания и предложения согласуются с общим преобразовательским духом времени, с намерениями правительства, вставшего на путь реформ и преследующего якобы те же самые цели экономического, и культурного прогресса страны. Эту веру в эпоху и своё желание всемерно помочь начинающемуся переустройству русской жизни Лесков неоднократно декларирует в своих статьях.

Следуя провозглашённому им принципу, окрылённый высокой целью служения народному благу, Лесков развивает кипучую журналистскую деятельность: он пишет множество статей, посвящённых критике разного рода «общественных неправд».

В статье 1861 г. «О наёмной зависимости» Лесков выступает против попыток воскрешения феодальных методов эксплуатации, основанных не только на использовании труда работника, но и на полном закабалении его

личности.

В другой своей статье «О найме рабочих людей», полемически направленной против крепостнического проекта А. Бенедского, Лесков осуждает выдвижение этого проекта как безобразный, аморальный поступок, не совместимый с принципами честного человека.

Тем же стремлением воспротивиться произволу проникнута статья Лескова о мальчиках, находящихся в услужении у купцов, «Торговая кабала».

Таким образом, в центре внимания писателя оказываются этические проблемы, но в решении их уже в его ранних статьях проявляется воинственно-демократическая позиция. Значительное место в статьях Лескова начала 60-х годов занимает вопрос о просвещении народа. Именно ему, в частности, посвящена статья писателя «Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению».

Итак, протест против крепостнического рабства, защита свободы личности, отстаивание экономических и культурных интересов народа—таков пафос ранних статей Лескова.

С проблемой свободы личности был сопряжен вопрос о женской эмансипации, широко дискутировавшийся в начале 60-х годов на страницах русской и заграничной прессы. Лесков требует уточнения самого понятия «эмансипация», оберегая его от обывательского истолкования как распущенности, и утверждает, что без образования и приобретения профессиональных навыков женщинам трудно обеспечить себе самостоятельное положение в обществе. Лесков выступал принципиальным противником революции, защитником медленного, постепенного общественного прогресса.

Началась полемика Лескова с «Современником», которая по мере своего развития приобретает все более резкий и враждебный характер.

В литературной деятельности Лескова проблемы социально-политические должны были неизбежно уступить своё место нравственным

проблемам. В то же время нравственные проблемы наполняются в осмыслении писателя большим социально-историческим содержанием: исторические судьбы страны в этот переходный момент определяются, по его убеждению, именно тем, достаточно ли объявится в обществе «хороших людей», людей твёрдых и энергических, способных к единению своих деятельных усилий в интересах прогресса.

Публицистика Лескова, во многом подготовившая его художественное творчество, убеждает нас в том, что исходная общественно-литературная позиция писателя, занимавшего обособленное положение в русской журналистике 60-х годов, несмотря на свойственную его сознанию «политическую невоспитанность», была, по своему существу демократической. Знакомство с многочисленными статьями Лескова, расширяя наше представление о его литературно-общественной позиции, подтверждает справедливость точки зрения, высказанной в своё время Б. М. Эйхенбаумом. Проявляя в своих суждениях должную «историчность», учёный утверждал, что демократизм Лескова и демократизм революционных демократов — это не абсолютно противостоящие друг другу, а родственные по своей глубинной основе явления в развитии русского общественного и художественного самосознания.

Часть 3. ПЕРВЫЕ РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ.

Общественно-литературное самоопределение Лескова в начале 60-х годов таило в себе некий парадокс, заслуживающий самого серьёзного внимания. Полемизируя с «теоретиками» с позиции, «стихийного» демократизма, считая, что их устремления носят преимущественно книжный характер и не имеют ничего общего с глубинными потенциями русской народной жизни, Лесков с самого начала своей литературной деятельности сосредоточивает главное внимание на том самом изучении народной жизни, необходимость которого наиболее последовательно защищала именно революционно-демократическая критика.

Несмотря на значительные достижения русских писателей 40-х годов («Записки охотника» Тургенева, «Антон-Горемыка» Григоровича), такие современники Лескова, как Герцен, Писарев, Чернышевский, Щедрин, выражали глубокую неудовлетворенность изображением в литературе народной жизни и личности простолюдина. Долгое время в центре внимания писателей была личность человека культурного дворянского круга, достигшая предельной высоты своего духовного развития. До тонкости изучив внутренний мир «онегинского типа», русская литература ещё не могла столь же ярко осветить подробности чувств простолюдина, который оставался для неё «Terraincognita» (не случайно так называет Лесков одну из своих статей, посвящённых изображению в литературе народного типа).

Общим недостатком свойственных людям 40-х годов представлений о народе А. И. Герцен считал их отвлечённый, умозрительный характер. «Либерализму легче было выдумать народ, нежели его изучить,— замечал он в книге «С того берега». — Он налгал на него из любви не меньше того, что на него налгали другие из ненависти... О действительном народе мало думали» (8,47).

Д. И. Писарев в одной из рецензий о народных книжках с горечью замечал, что описания мужиков в современной литературе напоминают своей безличностью сведения, проставляемые в паспортах.

Н. А. Добролюбов в программной статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) с досадой писал о той же недостаточной приближённости русской литературы к народной жизни.

Несколькими годами позже Салтыков-Щедрин, горячо ратуя в своей статье «Напрасные опасения» (1868) за дальнейшее расширение «арены правды, арены реализма», тем не менее признавал ограниченность успехов в этой области и утверждал, что создание ярких, крупных, полнокровных народных характеров— дело далёкого будущего. «Проникнуть в эту среду, постичь побудительные поводы, которые обуславливают ее движения, определить ее жизненные цели дело далеко не лёгкое... Над нею лежит бремя бедности, бремя невежества, бремя предрассудков и множество других зол, совокупность которых составляет своего рода завесу, делающую ее почти недоступною для непосвящённого человека» (36,31).

Значение Лескова в истории русской литературы и определяется, в первую очередь, тем, что своим творчеством он вносит большой вклад в решение этой сложнейшей художественной задачи своего времени.

Обладая многосторонним практическим знанием народной жизни, немало гордясь своей органической сопричастностью ей, Лесков с самого начала литературной деятельности встаёт в оппозицию ко всякого рода априорным представлениям о народе. Подобно таким своим современникам, как Некрасов и Успенский, он стремится «спуститься к самым недрам и корням народной жизни», исследовать ее реальное состояние, раскрыть ее потаённые законы.

Именно этот полемический пафос отличает уже ранние художественные произведения Лескова. В рассказах «В дороге» (1862), «Погасшее дело» (1862), «Язвительный» (1863), представляющих собой как бы снимки с натуры, Лесков, в пику отвлечённым доктринам с их

схоластическими «рацеями о народе», приковывает внимание читателей к таким поступкам отдельного простолюдина и целого крестьянского мира, которые не могут быть наперёд предсказуемы, схвачены любой теорией и требуют от человека иной среды широкого, непредвзятого подхода, глубокого изучения своеобразного уклада русской жизни, особенностей крестьянской психики.

Поведение героев этих рассказов Лескова представляет собой цепь «сюрпризов» и несообразностей: хозяин постоялого двора, мужик-атлетического сложения, неожиданно для себя на смерть зашибает дубиной повстречавшегося ему однажды в лесу беглого солдата тщедушного человека, который едва стоит на ногах от голода и усталости («В дороге»). Барские крестьяне, невесть с чего возымев раздражение против управляющего-англичанина, который принялся разумно улучшать их быт, поджигают его дом, а потом предпочитают пойти на каторгу, чем снова повиноваться своему «обидчику» («Язвительный»).

В противовес «теоретикам», возлагавшим большие надежды на пробуждавшееся самосознание народа, Лесков акцентирует в этих ранних рассказах детскую наивность в поведении простолюдина, подавленность его сознания всякого рода предрассудками, восходящими порой еще к языческой древности, импульсивный характер его действий, невыработанность нравственного чувства.

Выявляя уже в этих первых произведениях стихийность поведения простых людей, которые часто оказываются неспособными уразуметь причины и мотивы своих поступков, имеющих самые драматические последствия, Лесков идёт к художественному обобщению: «продукт природы». Именно так он назовёт свой известный поздний рассказ.

В выявлении стихийного характера народной жизни Лесков близок Успенскому, который в те же годы в целом ряде своих очерков с горечью показывает удивительную податливость простого человека любым внешним воздействиям и стихийным влечениям своей натуры.

Однако уже в ранних своих произведениях Лесков не ограничивается изображением общего потока народной жизни, в котором теряются отдельные индивидуальности. Его взгляд то и дело переносится с великого множества наблюдаемых им людей, действующих сообща, в силу единого инстинкта, на отдельного человека, жизнь которого при ближайшем рассмотрении оказывается не так бедна содержанием, примитивна и подчинена «роевым» законам среды, как можно было бы полагать. Писателя привлекают яркие, неординарные характеры, представляющие немалые загадки для постороннего взгляда. Именно они оказываются в центре повестей Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) и «Воительница» (19,14).

С одной стороны, по своему общему гуманистическому пафосу эти произведения продолжают традиции русской литературы 40-х годов, а с другой стороны, они представляют собой характерное явление русской литературы именно 60-х годов, чрезвычайно расширяющей сферу действительности, подлежащей художественному изображению.

Лесков наследует свойственное Тургеневу влечение к артистическим, талантливым натурам. Однако его взгляд останавливается не только на тех людях, которые вопреки подавляющему влиянию среды сохраняют в душе высокие порывы к красоте, правде и свету, но и на тех, кто в силу тех или иных причин оказывается бессилем сбросить с себя путы «духовного крепостничества».

В центре внимания Лескова в целом ряде его ранних произведений— сложные, противоречивые характеры. Отбросив какую бы то ни было предубеждённость, писатель стремится обойти их «кругом», глубоко исследовать их реальный жизненный потенциал, меру их возможностей. Лескову одинаково претит и дух аристократического пренебрежения к ним, и тенденция к их неоправданной идеализации.

В повести «Леди Макбет Мценского уезда» Лесков вслед за Тургеневым желает убедить своего читателя в том, что в недрах русской

провинции можно встретить яркие, незаурядные характеры почти шекспировских масштабов. Зачин повести исполнен откровенного авторского изумления перед стихийной мощью подобного рода натур. «Иной раз в наших местах задаются такие характеры, что, как бы много лет ни прошло со встречи с ними, о некоторых из них никогда не вспомнишь без душевного трепета...» (15,32).

Лесков всегда ценил в человеке волевой склад натуры, нравственную самобытность, способность идти наперекор давлению среды и не раз противопоставлял в своих произведениях зрелого периода людям, обладающим этими редкими качествами, «жалкие натуры» тех, кто, стал «чёртовыми куклами» в руках сильных мира сего. Однако при всем своем, расположении к характерам «пронзительным», с присущей ему трезвостью взгляда он ясно видит, что в «тесноте русской жизни» многие из них неизбежно умяются в своей значительности, деформируются, превращаются в существа ущербные, почти патологические. Повесть «Леди Макбет...», изобилующая напряжёнными коллизиями, драматична ещё и потому, что рассказывает о подобном разрушительном процессе, который происходит в душе главной героини произведения Катерины Измайловой.

В духе литературы 60-х годов (Некрасов, Достоевский, Гл. Успенский) Лесков решает положить в основу своего повествования такие события, которые как будто бы годны только для того, чтобы стать достоянием уголовной хроники.

Не скрадывая ни одной страшной подробности в кровавых деяниях Катерины Измайловой, писатель, тем не менее, отказывается видеть в ней только преступницу: в его глазах она ещё и молодая женщина, впервые полюбившая и «совершающая» в своей жизни «драму любви».

Прослеживая историю этой любви, Лесков неодинаково относится к участникам драмы. Писателю ненавистен тип личности, который в этой повести являет собой Сергей, расчётливо спекулирующий своим

обманчивым видом доброго, молодца из сказки, щедро наделённого писаной красотой и удалью. Рассказывая о хитро обдуманной и дерзко осуществлённой интриге Сергея с богатой хозяйкой, автор неизменно обращает внимание читателя на его внутреннюю холодность, бессердечие, противоестественное равнодушие «к добру и злу». В каждом жесте и каждом слове его даёт себя знать искусственный наигрыш человека, который привычно и бесстрастно исполняет избранную им роль.

Обнажая циническую опустошённость молодого приказчика, умело улестившего Катерину Львовну своими дерзкими речами, автор дорожит теми проблесками человечности, которые обнаруживаются в душе молодой женщины, сумевшей полюбить горячо и сильно.

По логике авторского повествования Катерина Львовна, «не по любви или какому влечению» выданная замуж в богатый купеческий дом, не просто уступает мужской силе красавца Сергея, известного «девичура», который, разыгравшись, на виду у всего двора вдруг властно привлекает ее к себе. Она тронута его мнимым участием, покорена силой его якобы долго скрываемого чувства, увлечена безоглядным молодечеством, которым он рисуется. Катерина Львовна впервые в своей жизни слышит любовную речь и по свойственному ей детскому простодушию не замечает фальши. В мертвенном мире однообразного существования ей так дорог этот голос любви, что и многое время спустя после первых объяснений с Сергеем она всячески побуждает его снова и снова рассказывать о том, как же он «сох» по ней. Если Сергей с начала до конца фальшив и лицемерен, то Катерина Львовна безыскусственна, проста, искренна в своей привязанности к нему. Ее наполненность неведомым ранее чувством столь велика и предельна, что переходит в состояние совершенного внутреннего бесстрашия, счастливой восторженности и открытости к не замечаемой прежде красоте мира: красоте цветущих яблонь, осыпающих их с Сергеем своим белым цветом, красоте чистого весеннего неба с погожим месяцем.

Вспыхнувшая в ее сердце любовь не знает границ, интенсивность чувства неуклонно растёт. Сцена ревности, умело сыгранная, Сергеем в канун возвращения мужа Катерины Львовны, ещё более обостряет ее чувства. «Катерина Львовна,— повествует рассказчик, теперь готова была за Сергея в огонь, в воду, в темницу и на крест. Он влюбил ее в себя до того, что меры ее преданности ему не было никакой. Она обезумела от своего счастья; кровь ее кипела, и она не могла более ничего слушать» (19,256). Самоотверженная преданность, и ослепленность, поразительное бесстрашие, которое дает человеку только всепоглощающее чувство, и совершенная нравственная безответственность, «ширь натуры» и опасная безудержность страсти переплетаются в сознании и характере героини Лескова.

Таким образом, психологический рисунок поведения главной героини повести, построенной как будто на мелодраматическом сюжете, очень сложен. За внешним примитивизмом и эксцентричностью чувства, его почти зоологической оголённости Лесков открывает подлинно драматические переживания, что и даёт ему право говорить о Катерине Львовне как о личности трагической.

Однако, будучи писателем реалистической школы, Лесков далёк от намерения идеализировать характер Катерины Львовны. Сострадая ей, жестоко обманутой, а затем и безжалостно третируемой Сергеем, ставшей, жертвой его «тиранства», писатель, тем не менее, последовательно и «наглазно» показывает, как в губительной атмосфере бездуховности, мертвящей скуки, пустоты и однообразия провинциального существования никнут, огрубляются, патологически извращаются самые естественные человеческие связи, первородные чувства, лучшие порывы любящего сердца. «Скука» - слово-лейтмотив в пространном описании житья-бытья Катерины Львовны в богатом купеческом доме. «...Скука непомерная в запертом купеческом терему с высоким забором и спущенными цепными собаками не раз наводила, на молодую купчиху тоску, доходящую до

одури...» (19,71) .

И на той же странице: «При всем довольстве и добре житье Катерины Львовны в свёкровом доме было самое скучное...» (19,71). «Походит, походит Катерина Львовна по пустым комнатам, начнёт зевать со скуки и полезет по лесенке в свою супружескую опочивальню...» (19,72). «...А проснётся — опять та же скука русская, скука купеческого дома, от которой весело, говорят, даже удавиться» (19,73).

Тщательно выписанный в повести быт купеческого дома интересует здесь Лескова не сам по себе, а именно в его непосредственном влиянии на человека, который томится пустотой своего существования и в то же время оказывается не в силах вырваться за его пределы. В условиях полнейшего духовного вакуума, тоски, доходящей до одури, естественно, что вспыхивающая в душе героини повести страсть неизбежно приобретает тот роковой, безудержный, избыточный характер, который и обнаруживается затем в страшных преступлениях Катерины Львовны.

В таком осмыслении губительной по своему влиянию на личность одуряющей скуки застойного провинциального быта Лесков был весьма близок Успенскому.

Обращая внимание читателей на нравственную непросветленность чувства Катерины Измайловой, толкающего ее на самые страшные преступления, Лесков окружает героиню образами животных, как бы воплощающих собой стихии сладострастия и хищничества.

Снится Катерине Львовне толстый кот, «тычется тупой мордой в упругую грудь, а сам такую тихонькую песню поёт, будто ею про любовь рассказывает» (19,159).

В лирическое описание летней ночи, которую Катерина Львовна проводит вместе с Сергеем в яблоневом саду, вторгается сообщение о животных, погруженных в «дела природы»: «...в клетке на высоком шесте забредил сонный перепел, и жирная лошадь томно вздохнула за стенкой конюшни, а по выгону за садовым забором пронеслась без всякого шума

весёлая стая собак и исчезла в безобразной, черной тени полуразвалившихся, старых соляных магазинов» (19,160). Люди и звери живут здесь как бы на одном уровне.

Власть собственнической морали, царящей в купеческой среде, оказывается столь сильной, что она незаметно для Катерины Львовны даёт себя знать и в особом характере ее любовного чувства. Готовая на самые большие жертвы во имя своего счастья, Катерина Львовна в то же время не допускает и мысли о возможной внутренней свободе Сергея. Страстные признания сливаются у нее с угрозами отомстить, если он ей изменит.

Так исподволь мотивируются в повести страшные, кровавые преступления, которые творит Катерина Львовна, желая, во что бы то ни стало удержать любовь Сергея.

Не щадя душевного покоя своих читателей, Лесков почти с натуралистической откровенностью живописует одно за другим все зверские убийства, совершенные его героиней. В концепции повести ее преступления — это крайнее проявление ненавистного писателю духа стяжательства, хищнического цинизма, нравственной безответственности. Однако, как только по ходу сюжета Катерина Львовна становится страдательным лицом, отношение к ней автора существенно меняется. Он отдаёт должное тому мужеству, с которым она в отличие от Сергея переносит наказание плетьюми. «Бесчувственная» в разлуке с любимым, она вновь ощущает себя счастливою с той самой минуты, когда ее партию отправляют в далёкий каторжный путь, который она надеется совершить вместе с Сергеем. «А мне, Серёжа, все равно,— говорит она о предстоящих тяготах,— мне лишь бы тебя видеть» (19,168).

Именно во время этого перехода Катерине Львовне, сумевшей и в тюрьме сохранить свою любовь к Сергею, суждено пережить страдания, мера которых внушает автору сочувствие к героине. Убедившись самым жестоким образом, что Сергей стал «изменщиком», преисполнившись ненавистью к своим сменяющим друг друга соперницам, Катерина

Львовна не в силах разлюбить его. «Она хотела себе сказать: «не люблю ж его и чувствовала, что любила его ещё горячее, ещё больше» (19,169). Лесков видит в ней теперь не преступницу, убийцу, а прежде всего несчастную, обманутую, брошенную женщину. Писатель вводит в рассказ подробности, позволяющие ощутить всю меру унижений, которые пришлось пережить Катерине Львовне, ставшей предметом всеобщих насмешек, чтобы «сердцу читателя было на чем с нею помириться и пожалеть ее так, как существо, оттерпевшее свою муку» (19,290).

Но при всем сострадании к «бедной женщине», теряющей рассудок от страшного, циничного надругательства над ее чувством, Лесков не считает возможным открыть героине путь нравственного очищения. Собственническое, хищническое начало столь глубоко укоренилось в ее натуре, что и в кризисный момент жизни ей не удаётся переломить себя. Обуреваемая чувством мстительной злобы к своей сопернице, во время переправы через реку она внезапно сбивает ее с ног и бросается, с ней за борт. Стоило Сонетке на минуту выглянуть из воды, как Катерина Львовна тут же набросилась на неё, «как сильная щука на мягкоперую плотицу» (19,276), и обе более уже не показывались. В повествование Лесков снова вводит образ животного, отбрасывающий зловещий отсвет на участников изображаемой драмы.

Таким образом, развивая традиции «натуральной школы», Лесков создаёт яркий и сложный характер, убедительно раскрывает противоречивость натуры своей героини, парадоксально соединяющей в себе высокое и низменное, предельную силу чувства и звериную жестокость, способность к самопожертвованию и собственнический инстинкт, стоицизм в страдании и безудержность страсти. При всей органической оснащённости с действительностью, которая его формирует, этот характер — не простое ее отражение, он несёт в себе некую загадку, тайну, непредсказуемые повороты.

Литературно-эстетические позиции Лескова оказываются во многом

родственными позициям Достоевского, который восставал против ходячей идеи русской литературы 40-х годов: «среда заела», упрощённо объясняющей, по его убеждению, человеческие поступки. С иных позиций в 60-х годах осуждали эту идею и революционные демократы, призывавшие литературу не только изучать различные болезненные искажения современной личности, но и взывать к ее активным силам, побуждая к деянию.

Лесков склонен весьма критически оценивать возможности пусть даже недюжинной личности, сформированной в обстановке «тёмного царства», и тем не менее он чрезвычайно дорожит тем остатком человечности в душе его героини, который заставляет смотреть на неё не только как на уголовную преступницу, заслуживающую тяжёлую кару за свои злодеяния, но и как на лицо трагическое.

Стремление Лескова высветить в изображаемой личности доброе начало, в каком бы сложном сращении с противоположными ему свойствами оно ни жило в ней, особенно ощутимо в повести «Воительница».

В центре этой повести яркий и самобытный характер, несущий в себе заряд неисчерпаемой жизненной энергии, достойной восхищения, однако озадачивающий автора направленностью своих незаурядных душевных сил, причудливым совмещением, казалось бы, несоединимых, исключаящих друг друга качеств.

Кружевница Домна Платоновна, с которой как с доброй своей приятельницей знакомит нас автор повести, на первый взгляд, существо мягкое и кроткое, с детски простодушным лицом, а ее «прекратительная» жизнь, на которую она жалуется, вызывает сочувствие к Ней.

Однако рассказ о себе неожиданно выявляет в ее облике совсем иные черты: цепкость жизненной хватки, азартную поглощённость меркантильной игрой.

Писатель не только открывает нравственную двойственность этой

переехавшей в столицу простой мценской бабы, но и пытается показать ее характер во всем многообразии жизненных проявлений, а главное — понять загадку его столь очевидной противоречивости, осознать доминанту этой личности, в которой, очевидно, ещё не завершилась борьба старых и новых представлений, верований, влечений, чувств. Поэтому автор представляет своей «собеседнице» широкую возможность самораскрытия в слове: повесть в значительной степени написана в сказовой манере. То, что почти все колоритные эпизоды из жизни Домны Платоновны подаются в ее интерпретации, намного увеличивает их социально-психологическую емкость.

В центре внимания Лескова оказывается сложное взаимодействие природы и обстоятельств, которое в значительной степени и определяет собой поразительную противоречивость заинтересовавшего его характера, загадку которого он стремится разгадать. «...Черт тебя знает, какие мне по твоей милости задачи приходят!» - восклицает писатель (16,90). Рассказывая о своей тяжелой, «прекратительной» жизни, сама Домна Платоновна, будучи человеком удивительной жизненной напористости, не раз с горечью упоминает о страшной силе «петербургских обстоятельств». «Петербургские обстоятельства» — это атмосфера всеобщего хищничества, распада человеческих связей, «оподления нравов». Это они заставляют Домну Платоновну проникнуться убеждением, что весь нынешний свет «стоит на обмане да на лукавстве» (16,90), из-за них при всем добродушии ее лица с ее уст «не сходит речь о людском ехидстве и злобе» (16,91). И, что особенно важно, они не только отяжеляют быт Домны Платоновны, но незаметно для неё самой корёжат собственное ее существо,, делают ее во многом иной по сравнению с той, какой она приехала в Петербург и какой она до сих пор, словно по некой психологической инерции, продолжает осознавать себя. Самооценки Домны Платоновны, продолжающей считать себя до глупости простой в отношениях с людьми, вступают в противоречие с ее изменившейся сущностью, обнажая прискорбный

процесс искажения изначального склада в основании своем честной и прямой натуры.

Таким образом, «петербургские обстоятельства» предстают у Лескова не только как внешний фактор русской жизни, осложняющий судьбу отдельного человека, но и как могучая сила, которая значительно влияет на внутренний мир личности, вызывает коренное изменение ее нравственной природы, обращает ее богатые душевные задатки в полную противоположность.

Слушая рассказ Домны Платоновны, мы становимся почти очевидцами того, как «столица волшебная преобразила нелепую мценскую бабу тонкого фактотума» (19,201). Ловко и уверенно вершит она сложные операции по купле-продаже, оказываясь при этом очень нужным и уважаемым в различных кругах человеком. Эпизод с «непутевой Леканидкой», которую Домна Платоновна пристраивает на содержание к богатому генералу, позволяет увидеть, как в обстановке торгашества и спекуляций, порождающей в неразвитом сознании Домны Платоновны вопиющую спутанность. всех нравственных понятий, ее природная доброта оборачивается злом, простота: цинизм, ум - изворотливым хитроумием, бескорыстие — почти автоматической привычкой со всего сорвать куш. «Дело» диктует ей свои нормы поведения. Эти нормы и становятся для нее житейским законом. Улавливая момент ее нравственной эволюции, Лесков заостряет наше внимание на том, как на словах Домна Платоновна еще с жаром и пылом обличает царящий вокруг нее обман и подлость, а в своем поведении, в обращении с той же запутавшейся в сетях «петербургских обстоятельств» Леканидкой, сама творит зло.

Обладая от природы широкой натурой и щедрым на добро сердцем, она беспрестанно «отягощается», беря на себя чьи-то хлопоты, но при этом не забывает свой собственный интерес, обогащаясь за счёт

облагодетельствованных ею клиентов.

Пристально прослеживая поведение Домны Платоновны с его чересполосицей добра и зла, Лесков с особым интересом присматривается к нравственному сознанию своей героини, если только можно употребить в отношении к ней такой термин. Фантаσμαгория обстоятельств отзывается в этом неразвитом сознании самыми поразительными парадоксами, сообщающими рассказу-исповеди Домны Платоновны. «драмокомический» характер. Пожалев от всего сердца «непутевую», «сбившуюся с панталыку» «Леканидку», она убежденно и совершенно в духе патриархальной народной морали осуждает ее уход из семьи: «Ну что ж,— думаю,— надоело играть с косточкой, покатай желвачок: не умела жить за мужней головой, так поживи за своей: пригонит мужа и к поганной луже, да еще будешь пить да похваливать» (19,234). И одновременно с этим та же Домна Платоновна не находит лучшего средства вызволить женщину из беды, чем найти ей богатого сожителя, от которого, по разумению Домны Платоновны, она и может получить деньги, необходимые для возвращения к мужу.

Не только представления и убеждения, но и непосредственные ощущения Домны Платоновны поражают своей зыбкостью и непрочностью. Претерпев много хлопот во имя житейского благополучия «Леканидки», Домна Платоновна вдруг под влиянием минутной обиды предает ее.

Изображая эти крутые повороты и несообразности в поведении Домны Платоновны, Лесков делает особенно очевидной крайнюю спутанность в душевном мире его героини добра и зла, младенческого простодушия с цинизмом, благородства с не сознающей себя подлостью.

В этом беспорядочном смешении самых разнородных мотивов ее неожиданных поступков и просматривается более всего тлетворное влияние «петербургских обстоятельств» на личность и ее судьбу.

Сила «петербургских обстоятельств» не менее властно, чем в жизнь

бывшей мценской бабы Домны Платоновны, вторгается в психику, быт и нравы людей привилегированного дворянского сословия. Та самая «Леканидка», которая была в свое время пригрета Домной Платоновной, став после мучительной нравственной ломки содержанкой петербургского генерала, преображается из беззащитной овечки в хищницу. Как ястреб, опережая Домну Платоновну, бросается она к случайно выпавшей из ее кармана сторублевой бумажке. А позже, почувствовав себя на гребне несущей ее волны, проявляет к бывшей своей покровительнице оскорбительное высокомерие.

И все-таки власть «тупой силы обстоятельств» оказывается не безграничной. Как ни опасна та роль посредника, которую взяла на себя Домна Платоновна в обществе, где все продается и покупается, неиссякаемые силы ее души и сердца не дают ей до конца превратиться в ловкого и увертливого торговца, человека расчета.

Не сознавая низменности своих занятий, с азартом отдаваясь им, Домна Платоновна не только преследует свой меркантильный интерес. Порой ею движет бескорыстная потребность активного вмешательства в жизнь, энергического действия.

В одушевляющей ее предпринимательской энергии Постоянно дает себя знать своего, рода артистизм — черта, — которую Лесков вслед за Тургеневым выделял и высоко ценил в русском человеке, противопоставляя ее своекорыстию, мелкой расчётливости, процветающей в буржуазном обществе. «Главное дело,— замечает он,— что Домна Платоновна была художница — увлекалась своими произведениями... Домна Платоновна любила своё дело, как артистка: скомпоновать, собрать, состряпать и полюбоваться делами рук своих — вот что было главное, и за этим просматривались и деньги и всякие другие выгоды, которых особа более реалистическая ни за что бы не просмотрела» (19,238).

Писатель не скрывает своего восхищения необыкновенной одарённостью, широтой возможностей своей героини, активным,

жизнедеятельным складом ее личности. Этой стороной своей натуры она уже предвещает скорое появление в творчестве Лескова таких характеров, как богатырь Ахилла, в котором одном тысяча жизней горела.

Как ни велика и всеильна роль «петербургских обстоятельств», власть натуры, «голос природы» оказывается могущественнее. Под конец жизни, влюбившись неожиданно для самой себя в молодого непутёвого парня, она поступает вопреки «здравому смыслу», давая волю голосу своего сердца.

В том, что артистичность и «голос природы», голос сердца его героини оказываются сильнее иссушающей душу холодной рассудочности, Лесков склонен видеть проявление общенациональной сущности русского характера, которому, по убеждению писателя, при всей его податливости новым веяниям времени, органически чужды расчётливость и самоограничение. Не случайно сама Домна Платоновна с наивной гордостью отстаивает чистоту своего происхождения и сердится на турка, который, восхищаясь блеском ее глаз, кричит: «Ай, грецкая глаза, совсем грецкая!» (19,239).

Она словно пророчит самой себе, когда в зените своего житейского благополучия говорит рассказчику: «Да, дружок, наша-то сестра, особенно русская, в любви-то куда ведь она глупа: на, мой сокол, тебе, готова и мясо с костей срезать да отдать...» (19,239). В романе «Некуда» (1864) Лесков выражает ту же самую мысль устами чрезвычайно близкого ему героя - доктора Розанова, который именно в этой эмоциональной «избыточности» видит яркую отличительную черту русского национального типа, определяющую особый драматизм его внутренней жизни.

Выводы по 3 части

Итак, общественно-литературное самоопределение Лескова в начале 60-х годов таило в себе некий парадокс, заслуживающий самого серьёзного внимания.

Полемизируя с «теоретиками» с позиции, «стихийного» демократизма, считая, что их устремления носят преимущественно книжный характер и не имеют ничего общего с глубинными потенциями русской народной жизни, Лесков с самого начала своей литературной деятельности сосредоточивает главное внимание на том самом изучении народной жизни, необходимость которого наиболее последовательно защищала именно революционно-демократическая критика. Обладая многосторонним практическим знанием народной жизни, немало гордясь своей органической сопричастностью ей, Лесков с самого начала литературной деятельности встаёт в оппозицию ко всякого рода априорным представлениям о народе. Подобно таким своим современникам, как Некрасов и Успенский, он стремится «спуститься к самым недрам и корням народной жизни», исследовать ее реальное состояние, раскрыть ее потаённые законы.

Именно этот полемический пафос отличает уже ранние художественные произведения Лескова. В рассказах «В дороге» (1862), «Погасшее дело» (1862), «Язвительный» (1863), представляющих собой как бы снимки с натуры, Лесков, в пику отвлечённым доктринам с их схоластическими «рацеями о народе», приковывает внимание читателей к таким поступкам отдельного простолюдина и целого крестьянского мира.

Однако уже в ранних своих произведениях Лесков не ограничивается изображением общего потока народной жизни, в котором теряются отдельные индивидуальности. Его взгляд то и дело переносится с великого множества наблюдаемых им людей, действующих сообща, в силу единого

инстинкта, на отдельного человека, жизнь которого при ближайшем рассмотрении оказывается не так бедна содержанием, примитивна и подчинена «роевым» законам среды, как можно было бы полагать. Писателя привлекают яркие, неординарные характеры, представляющие немалые загадки для постороннего взгляда. Именно они оказываются в центре повестей Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) и «Воительница».

В духе литературы 60-х годов (Некрасов, Достоевский, Гл. Успенский) Лесков решает положить в основу своего повествования такие события, которые как будто бы годны только для того, чтобы стать достоянием уголовной хроники.

Таким образом, развивая традиции «натуральной школы», Лесков создаёт яркий и сложный характер, убедительно раскрывает противоречивость натуры своей героини, парадоксально соединяющей в себе высокое и низменное, предельную силу чувства и звериную жестокость, способность к самопожертвованию и собственнический инстинкт, стоицизм в страдании и безудержность страсти. При всей органической сращенности с действительностью, которая его формирует, этот характер — не простое ее отражение, он несёт в себе некую загадку, тайну, непредсказуемые повороты.

Литературно-эстетические позиции Лескова оказываются во многом родственными позициям Достоевского, который восставал против ходячей идеи русской литературы 40-х годов: «среда заела», упрощённо объясняющей, по его убеждению, человеческие поступки. С иных позиций в 60-х годах осуждали эту идею и революционные демократы, призывавшие литературу не только изучать различные болезненные искажения современной личности, но и взывать к ее активным силам, побуждая к деянию.

Часть 4. ПОВЕСТЬ «ОВЦЕБЫК». РОМАН «НЕКУДА»

Уже в ранних произведениях малой формы — очерках и рассказах — Лесков проявил себя типичным писателем-«шестидесятником», которому свойствен пристальный интерес не только к отдельным примечательным характерам, острым психологическим коллизиям, необычным человеческим поступкам, но и к общему состоянию русской жизни, в которой многое сдвинулось с места, вызвав ломку старых патриархальных понятий и представлений.

Свой интерес к социальной подоплёке явлений писатель связывал с новыми потребностями «развивающейся общественной жизни новейшей поры» (22,19). Сопоставляя прошлое и настоящее, Лесков, подобно своему современнику Салтыкову-Щедрину, выражал недовольство «бедностью содержания» произведений, без конца варьирующих только два положения: «влюбился да женился или влюбился да застрелился». Причину такого однообразия мотивов он усматривал в состоянии русского общества, в дореформенную пору «отстранённого порядком вещей от всякого участия в вопросах, выходящих из рам домашнего строя и совершения карьер» (22,28). Эпоха общественного пробуждения, по мнению Лескова, обязывала писателей значительно расширить диапазон наблюдений, «В обществе проявилось желание иметь новые картины, захватывающие большие кругозоры и представляющие на них разом многообразные сцены современной действительности с ее разнообразными элементами, взбаламученными недавним целебным возмущением воды...» (19,67).

Как пример произведений, отвечающих этому законному желанию, живо представляющих «новые кристаллизации элементов», Лесков называет «Накануне» Тургенева, тут же замечая, что герои этого романа настолько поразили читателей своей необычностью, что даже породили сомнение в том, есть ли в русской жизни такие люди, какие описаны.

Сознавая сложность этой художественной задачи — схватить

сущность новых характеров, — Лесков попытался внести свой вклад в ее решение повестью «Овцебык» (1862).

В центре этой повести характер бунтаря-агитатора, пытающегося поднять народ на борьбу за справедливость. Лесков не сразу раскрывает человеческую сущность своего героя: как опытный рассказчик он стремится вначале удивить читателя необыкновенностью повстречавшегося - ему типа, внушить доверие и симпатию к этому лицу.

Давая герою рассказа необычное прозвище, связанное с его экзотической внешностью, автор тут же отмечает в его лице выражение «здорового ума, воли и решительности». Далее следует увлекательное описание необыкновенных поступков героя: отказа от духовной карьеры, внезапного ухода его из богатого помещичьего дома, где он имел выгодные уроки, и столь же неожиданного исчезновения из родного города после встречи с кантонистами. Когда для нас становятся ясны мотивы этих загадочных поступков, звероподобный герой Лескова предстаёт перед нами существом в высшей степени человеческим, очень чутким к чужому страданию, крайне нетерпимым к любому виду насилия над личностью. Горе старухи-матери, вынужденной отдать в рекрутчину единственного сына, беспомощное положение еврейского мальчика, забранного в рекруты, нравственное унижение молодой крестьянки, страдающей от циничных посягательств молодого барчонка,— все это выводит его из состояния душевного равновесия, и вот в одну из таких минут глубокой взволнованности творящейся вокруг несправедливостью, нарушив своё обычное молчание, он и раскрывает перед друзьями святая святых своей души — мечту о революции во имя гуманного общественного устройства.

Таким образом, носитель революционной идеи представлен здесь и носителем идей гуманизма; более того, именно гуманизм, органическая неспособность примириться с таким социальным устройством жизни, с которым неизбежно сопряжены человеческие страдания, и заставляет его

стать революционным агитатором и социалистом. Гуманизм героя носит ярко выраженную демократическую окраску: Овцебык тесно связан с народом своим происхождением, он питает инстинктивное недоверие к барам. Дворяне-крепостники внушают ему непреодолимую ненависть и отвращение. В своих немногих друзьях из привилегированного класса, гостеприимством которых Овцебык пользуется именно потому, что признает их порядочность, он, тем не менее, не надеется найти союзников в предстоящей борьбе. В качестве народных вождей в ней выступят другие, сильные люди, и Овцебык мыслит себя одним из этих будущих вождей.

Однако — и тут начинается идейная полемика Лескова с революционными демократами — оказывается, что даже этот герой, сам вышедший из низов, хорошо знающий жизнь, в действительности оторван от народа. Монахи, среди которых он стремится развернуть агитацию с тем, чтобы они понесли социалистические идеи в народ, называют его блаженным. Сближение Овцебыка с раскольниками тоже не приносит ожидаемых результатов, наоборот, оно разубеждает его в возможности какого бы то ни было революционного выступления с их стороны. Рабочие, нанятые промышленником Свиридовым, смеются над чудными речами агитатора и тут же предают его хозяину, силе и могуществу которого не только завидуют, но и поклоняются. Таким образом, для самого Овцебыка становится очевидной пропасть между ним и народными массами, на революционный бунт которых он возлагал все свои надежды. Оказавшись в идейном тупике, будучи человеком честным и цельным, он кончает самоубийством.

Итак, повесть полемична. Мысль автора об утопическом характере верований его героя, как мы увидим далее, получит развитие в антинигилистических романах Лескова и его позднейших публицистических выступлениях. И в то же время повесть «Овцебык» — одно из лучших, художественно совершенных произведений писателя. В

обрисовке характера революционера-агитатора Лесков далек от карикатурности, наоборот, он с искренним уважением относится к герою и скорбит о его печальной судьбе. Глубоко проникая в мотивы духовной драмы Овцебыка, Лесков тем самым сосредоточивает внимание читателей на осмыслении главного конфликта своей эпохи — конфликта между революционной мыслью и самосознанием народа, которое несло ещё на себе печать крепостнической отсталости. Именно такой тоскующей любовью к родине и ее народу преисполнено сердце Овцебыка, эта черта его духовного облика позволяет видеть в нем типичного героя своего времени.

Недаром А. М. Горький впоследствии высоко оценил эту повесть Лескова как подлинно реалистическое произведение, концепция которого противоречила складывавшемуся в 60-х годах народническому идеализированному представлению о русском народе.

Свойственное Лескову горячее желание непосредственно и действенно откликнуться на зов современности, запечатлеть новые типы, новые, умонастроения, новые отношения, складывающиеся в это время в русской жизни, проявилось в его романах 60-х годов: «Некуда» (1864), «Обойдённые» (1865), «Островитяне» (1866), «На ножах» (1870—1871).

Теперь, когда мы имеем возможность охватить единым взглядом все созданное Лесковым, становится очевидным, что не эти произведения являются главными в его творчестве, не они определяют место писателя в русской литературе.

Более того, известно, что именно «Некуда» и «На ножах», проникнутые духом идеологической пристрастности, сыграли роковую роль в дальнейшей писательской судьбе Лескова, вызвав негодование в передовых общественно-литературных кругах. Однако написание этих романов вовсе не было случайностью ни в творческой эволюции этого писателя, ни в литературном движении его времени.

Даже в новейшей монографии В. Ю. Троицкого наиболее

значительный из этих романов «Некуда» характеризуется как произведение, в котором «художник оказался в полном подчинении публициста и памфлетиста», увлечённого противореволюционной тенденциозностью. На мой взгляд, такая оценка неправомерна.

Нет ничего удивительного в том, что с первых шагов своей литературной работы Лесков предпринимает попытку выступить как романист. Поиски писателя в области жанровых форм всегда отличались большой мерой теоретической осознанности. В чрезвычайно интересном с этой точки зрения письме к Ф. И. Буслаеву (1877) автор «Некуда» выражает резкое недовольство «критическим бессмыслием» в понятиях самих писателей о форме их произведений: «Хочу, назову романом, хочу, назову повестью, - так и будет. И они думают, что это так и есть, как они называли. Между тем, конечно, это не так...» - убеждённо заявляет Лесков.

В отличие от литераторов, равнодушных к проблемам специфической содержательности жанровых форм, Лесков настаивает на том, что каждая из них имеет своё особое назначение. В этой связи он выделяет роман как повествовательную форму, которая стремится наиболее непосредственно откликаться на ход общественного развития и запечатлевать порождаемые им новые типы и характеры. «Писатель, который понял бы настоящим образом разницу романа от повести, очерка или рассказа, понял бы также, что в сих трёх последних формах он может быть только рисовальщиком, с известным запасом вкуса, умения и знаний; а, затевая ткань романа, он должен бытия ещё и мыслитель, должен показать живые создания своей фантазии в отношении их к данному времени, среде и состоянию науки, искусства и весьма часто политики. Другими словами, если - я не совсем бестолково говорю, у романа, то есть произведения, написанного настоящим образом, по настоящим понятиям о произведении этого рода, не может быть отнято некоторое, — не скажу «поучительное», а толковое, разъясняющее смысл значение» (23,76). Время чисто любовных романов в русской

литературе, по мнению Лескова, безвозвратно прошло, их уже мало и «скоро будет ещё менее» (23,35).

Эти теоретико-литературные размышления писателя дают ключ к пониманию того особого типа социально-психологического романа, который создаёт Лесков в русской литературе почти одновременно с Тургеневым и Достоевским.

В отличие от Достоевского, Лесков не выдвигает в своих романах на первый план- противоборства идей, обширных социально-философских концепций. Он берет русскую жизнь как бы на ином, значительно более эмпирическом уровне, на котором для большинства героев ещё невозможно чёткое идейное самоопределение.

Отдельные характеры его романов, являющие собой, по выражению писателя, «кристаллизации новых элементов» (Лиза Бахарева, Райнер, Вансок), весьма родственны героям и героиням романов Тургенева. Не случайно несколько лет спустя после выхода «Некуда» критик радикального журнала «Дело» Н. Шелгунов в своей обширной статье «Люди сороковых и шестидесятых годов» чрезвычайно высоко оценил создание Лесковым образов Лизы Бахаревой и Райнера, признал их историческую достоверность, увидел в них дальнейшее развитие тургеневских характеров. Однако по структуре и, в частности, расстановке персонажей, роман Лескова существенно отличается и от тургеневского. В полном соответствии с литературно-теоретическими декларациями Лескова в его романах (и более всего в «Некуда») почти сведена на нет роль любовной интриги. Ее место занимают совсем иного рода страсти, интересы и влечения, связанные с тем процессом общественного пробуждения, влияние которого Лесков пытается изобразить и осмыслить. Тот социально-исторический конфликт между старой и новой Россией («отцами и детьми»), который в романах Тургенева получал обычно опосредственное выражение в любовных увлечениях и разочарованиях героев, в романах Лескова непосредственно раскрывается

в общем тоне их душевной жизни, в их социальном самочувствии, в характере их унастроений.

Следуя в своём творчестве не только пушкинской, но и гоголевской традиции, по-своему трансформируя их, Лесков-романист сохраняет интерес к незаурядным личностям, значительно опережающим в своём духовном развитии уровень «среды», но при этом он чрезвычайно расширяет права последней. Среда перестаёт быть в его романах только фоном, на котором развёртывается духовная драма главных героев, но получает в них несравненно большее значение. В сущности, уже здесь Лесков практически следует тому своему принципу, который он сформулирует много позже, в связи с полемикой вокруг его повести «Очарованный странник», изобилующей жанровыми сценами: «Почему не идти рядом и среде и герою?» (23,46).

В художественной системе романа Лескова герой и среда принципиально уравниваются друг с другом в своих правах на внимание автора и читателя. Причём, понятие «среды» Лесков значительно расширяет. Это — не только непосредственно окружающая его героев жизненная обстановка, но и жизнь самых различных социальных слоёв русского общества, развёртывающаяся на огромном географическом пространстве: и в обеих столицах, и в большом удалении от них — в уездном городке, и в женском монастыре, и в дворянской усадьбе, и в голодной деревне, и на рыбных промыслах в Астрахани и т.д.

Новое взаимоположение героев и среды, расширенная трактовка последней создают в романах Лескова свою систему измерений и оценок. Писатель поверяет истинность устремлений «новых людей» широким исследованием, повсеместного состояния русской жизни и в то же время, наоборот, меняет общую оценку этого состояния, вглядываясь в потаённую внутреннюю жизнь тех, кто, преодолевая инертность русского быта, вступает на путь самостоятельных духовных исканий.

Лесков горячо спорит и с теми, кто, увлечённый новыми идеями,

верит, что малая горстка передовых людей может по-своему повернуть ход русской жизни, и с теми, кто, идеализируя ее патриархальный покой, не видит его рутинности, подавляющей живые движения человеческого духа. Подлинный нравственно-социальный пафос этих произведений отнюдь не тождествен лежащей на поверхности «антинигилистической» тенденции.

Написанные в разное время, романы Лескова существенно отличаются друг от друга и по мере выраженности этой полемической тенденции, и по своей конкретной проблематике, и по характеру отражённых в них общественных и нравственно-психологических конфликтов, и по художественной манере.

Наиболее значительным в ряду этих произведений является первый роман — «Некуда». Не случайно сам Лесков, охладевший впоследствии к своим романам, до конца жизни продолжал гордиться созданными им в «Некуда» образами так называемых «чистых нигилистов» — Лизы Бахаревой, Райнера, Помады, Бертольди, запечатлевшими духовный облик «шестидесятников».

Для понимания сложной художественной концепции этого романа важно уяснить значение его обширной экспозиции, которая составляет добрую треть всего повествования.

С самого начала «Некуда» автор заставляет нас взглянуть на русскую жизнь — в ее обычном, будничном течении — глазами двух девушек, возвращающихся по окончании института в родные места. Казалось бы, выпущенные на волю, они должны были бы с радостью окунуться в стихию домашней жизни в родном своём уголке, но этого не происходит. Уже самые первые впечатления Лизы и Женни убеждают нас в том, что каждая из них сталкивается с жизнью неподвижной, скучной, порождающей у всякого мало-мальски развитого душевно человека желание бежать из неё куда глаза глядят.

Как мы узнаем из «топографически исторической главы», главная улица уездного городка, в котором живёт Женни, некогда хранила живые

предания о «самом батюшке Степане Тимофеевиче Разине». Теперь она знаменита только тем, что при малейшем дожде на ней образуется море, и затем целый месяц нет здесь никому ни прохода, ни проезда. Рядом с ней идут закоулки и переулочки, на которых живут бедные ремесленники — прядильщики, крупчатники, мещане, вечно полупьяные или больные с похмелья. «С небольшой высоты над этой местностью царил высокий каменный острог, наблюдая своими стеклянными глазами, как пьет и сварится голодная нищета и как щиплет свою жидкую беленькую бородку купец Никон Родионович Масленников, попугивая то одного, то другого каменным мешочком» (23,71).

Безотрадное впечатление, порождаемое этой картиной, усиливается тем, что подавляющее большинство людей, живущих в городке, вполне удовлетворено существующим порядком вещей. «У нас теперь,— хвастался мещанин заезжему человеку,— есть купец Никон Родионович, Масленников прозывается, вот так человек! Что ты хочешь, сейчас он с тобою может сделать; хочешь, в острог тебя посадить — посадит; хочешь, плетюганами отшлепать или так в полицы розгам отодрать,— тоже сейчас он тебя отдерет. Вот какого себе человека имеем!» (21,88). Легко заметить несомненное родство этого образа с образом самодура Дикого из драмы Островского «Гроза», которую Лесков высоко ценил как истинно народное произведение, без тени идеализации воссоздающее душный быт «темного царства».

Душным, тесным, утомительно однообразным предстаёт в «Некуда» и домашний быт более образованных и культурных людей. Еще не доехав до родного дома, со слов своей тётки Лиза узнает, что ее взбалмошная сестра только и делает, что ссорится с мужем, «мать все котят чешет, как и в старину, бывало» (20,74), другая ее сестра «болтается... не читает ничего, ничего не любит» (20,75). И это вовсе не исключение из правила. «У нас что ни семья, то ад, дрянь, болото» (20,77), — с горечью замечает все та же резкая на язык мать Агния, и этот существенный мотив,

получивший глубокую социально-психологическую разработку в дальнейшем ходе романа, снова сближает «Некуда» с «Грозой» Островского. Как и Островский, Лесков сосредоточивает внимание на том, как бездуховный русский быт, в котором заявляет свои права только «ближайшая к природе власть» (20,86) —власть сильного, неизбежно порождает у людей, не утративших живости души, состояние томительной скуки, мучительной неудовлетворённости, исподволь назревающего протеста.

Самовольно уехав из родительского дома в разгар приёма гостей, Лиза жалуется своей подруге: «Однако что-то плохо мне, Женька... очень тяжело как-то, скучно,— невыносимо скучно» (20,82) И отцу она с горечью говорит о том, что дома у них «все как-то так странно —и суетливо будто и мертво» (20,84).

Человек куда более кроткой, чем у Лизы, души, Юстин Помада, так итожит свои ощущения от жизни в соседнем с бахаревскиммеревском доме: «А скука-то, скука-то! Хоть бы и удавиться так в ту же пору» (20,89).

Да и в доме Женни Гловацкой, который манит ее вначале своим светлым уютом, Лиза сталкивается с той же скукой, только в ином обличьи. Волей случая оказавшись на домашней вечеринке в честь заезжего гостя инспектора Сафьяноса, она видит, как заискивает перед этим столичным начальником старый Петр Лукич, как лихо бравирует своим модным либерализмом учитель Зарницын и как сам инспектор, разомлевший от вина и сумятицы выслушанных речей, обнаруживает свою пошлость и самодовольство. «И это люди называются! И это называется жизнь, это среда!» (20, 232),—думает Лиза, наблюдай затянувшееся веселье.

Изображая вымороченность среды, в которой столь тягостно жить людям живой души, Лесков показывает, что нет существенной разницы между провинциальным и столичным русским бытом. Не случайно

постоянным завсегдатаем дома Бахаревых после их переезда в Москву окажется некая странница Елена Лукьяновна, персонаж весьма родственной Феклуше из «Грозы» Островского. Тошно Лизе в пустых парадных комнатах, пойдет она в столовую и видит там рядом с матерью Елену Лукьяновну, которая все рассказывает ей «о волшебстве да о чудах» (20 ,426): о том, как в Казанской губернии разбойник объявился и на глазах у офицера, который хотел его расстрелять, сгинул, ушёл под землю; как два отрока, которые сидели в подводной крепости, ушли из нее, раздобыв кусочек свечи, «так под водою и прошли» (20 , 427). «Слушает все это Лиза равнодушно; все ей скучнее и скучнее становится» (20 ,427).

Таким образом, в отличие от тех либеральных критиков, которые укоряли излюбленных героев Тургенева за неумение гармонизировать свои отношения с окружающей их жизненной обстановкой, Лесков не отстаивает в своем романе возможность подобной гармонии. Он «трезвомысленно» видит всю мучительную сложность контакта со средой для человека пробуждённых интересов, и тем более интересов общественных.

В истолковании самой настоятельницы, монастыри — это не столько религиозные организации людей, отрешившихся от земных забот и обративших свои души к богу, сколько своего рода убежище для тех, кто по разным причинам не сумел жить в миру: «от неспособности сжиться с этим миром-то; от неумения отстоять себя; от недостатка сил бороться с тем, что не всякий поборет. Есть люди, которым нужно, просто необходимо такое безмятежное пристанище, и пристанище это существует» (20, 26).

Знаменательно, что в этом рассуждении в защиту монастырей почти игнорируется собственно религиозная сторона "проблемы. И сама мать Агния в стенах «тихой обители» остаётся во власти мирских интересов и страстей.

Итак, куда ни глянь, русская жизнь на любом уровне исполнена

потаённого драматизма. Благодаря такому освещению ее общего состояния душевная неудовлетворённость, бунтарские настроения и социальные искания главных героев романа — «чистых нигилистов» — получают глубокую и многостороннюю мотивировку. По художественной логике произведения, их жизненная позиция — это неизбежная и естественная реакция, молодых сил страны на вековой патриархальный застой русской жизни, на давно воцарившуюся в ней атмосферу общественного и домашнего деспотизма, мелочных интересов, неподвижного быта.

В то же время Лесков не всегда последователен в таком осмыслении жизненной обстановки, окружающей его главных героев. Порой, как бы желая активно противостоять опасным, с его точки зрения, устремлениям, писатель начинает поэтизировать атмосферу тишины и спокойствия, которая якобы существует близ этих людей, но не получает в их душе ответного отклика.

Так, описывая в главе «Родные липы» тихий летний вечер в Мереве, Лесков создаёт пейзажный образ, весьма родственный идиллическому тургеневскому изображению вечеряющего дня («Отцы и дети»), навевающего доброму и кроткому Николаю Петровичу Кирсанову мысли о противоестественности того воинственно нигилистического мироотношения, которое обнаруживает в спорах с его братом Базаров.

«Кругом тихо-тихо, и все надвигается сгущающийся сумрак, а между тем как-то все видишь: только все предметы принимают какие-то гигантские размеры, какие-то фантастические образы» (24, 42). И сонная река, и коростель, дерущий свою глотку на противоположном косогоре, и колеблющаяся возле ног луговая травка в эти часы говорят человеку: «Мы все одно, мы все природа, будем тихи теперь, теперь такая пора тихая» (24, 43). И так хорош этот вечер, что «никак не хочется верить, будто есть люди, равнодушные к красотам природы...» (24, 43).

Несколько позднее в романе Лескова дается описание летнего утра в Мереве, проникнутое тем же настроением благодной тишины и

естественного единения человека с природой: «Человек в такую пору бывает как-то спокоен, тих и бескорыстен» (24 ,65).

В ещё большей степени программный идеологический характер носит в романе Лескова изображение сада и дома Гловацких. В этом саду, начинавшемся за смотрительским флигелем, «постоянно царила ненарушимая, глубокая тишина» (24, 68). «А уж о комнате Женни и говорить нечего. Такая была хорошенькая, такая девственная комнатка, что стоило в ней побыть десять минут, чтобы. начать чувствовать себя как-то спокойнее, и выше, и чище, и нравственнее» (24, 68).

Однако этот безмятежный покой в доме Гловацких не может избавить Жеини от снedaющей и её душу внутренней тревоги, не может заглушить в ней вопроса, с которым, покинув институтскую скамью, она начинает самостоятельную жизнь: как жить, чтобы всем было хорошо? «Я не знаю, как надо жить» (24, 221), — признается Женни матери Агнии по дороге в родной дом. И на этот постоянно звучащий в её душе вопрос она так и не находит ответа. Даже умудрённая жизнью и самостоятельная в суждениях мать Агния, по существу, не может предложить Женни конкретную жизненную программу. «Этой науки, кажется, не ты одна не знаешь» (24 ,22),— отвечает она. И далее в духе христианских заповедей предостерегает ее от возможных слабостей и ошибок: она советует «не выкраивать из всего только одно своё положение, не обращая внимания на обрезки, да главное дело не лгать ни себе, ни людям» (24,22). Но и Женни, и Лизу более всего интересует чисто практический вопрос о том, что именно следует делать, как обрести то высокое нравственное достоинство, которое призывает их сохранить мать Агния. Как перевести исповедуемые ею высокие христианские принципы на язык жизненной практики?

По существу именно этот вопрос: что делать? — вопрос, который за два года до Лескова задавал в своем известном романе Чернышевский,— лавный в «Некуда». И как бы спокойно ни шла провинциальная русская жизнь, этот вопрос в романе Лескова неотвратимо возникает перед всеми,

кто вышел из состояния непосредственности, в ком пробуждено сознание.

Изображая русскую жизнь в переходном, внутренне противоречивом состоянии, в боре сил исторической инерции, патриархальной неподвижности, общественного и семейного деспотизма, с одной стороны, и растущего личностного сознания — с другой, Лесков открыто выражает своё сочувствие тем, кто противостоит косности, кто «чаёт движения воды» и готов к самоотвержению ради общего блага. Как и многие его передовые современники, «люди лучших умов и понятий», он благословляет ту «святую минуту пробуждения», наступившую вслед за поражением России в Крымской войне, благодаря которой в обществе возник совсем новый сепаратизм — «ещё небывалое дотолё выделение так называемых новых людей» (30, 134). «Эта эпоха возрождения с людьми, не получившими в наследие ни одного гроша, не взявшими в напутствие ни одного доброго завета, поистине должна считаться одною, из великих, поэтических эпох нашей истории,— заявляет писатель. — Что влекло этих сепаратистов, как не чувство добра и справедливости? Кто вел их? Кто хоть на время подавил в них дух обуявшего нацию себялюбия, двоедушия и продажности?» (30, 135).

Таким образом, в отличие от Писемского, Ключникова, Крестовского, Маркевича и других авторов «антинигилистических» романов, изображавших русское освободительное движение 60-х годов как продукт чужеземной, чаще всего польской агитации, Лесков стремится выявить его национально-исторические корни. Оно вовсе не представляется ему одним только «маревом», как Ключникову, или чем-то наносным и скоропреходящим, как Писемскому. В глазах Лескова это явление отрадное, исторически' закономерное и в то же время отмеченное печатью непреодолимого трагизма. Подобно Тургеневу и Гл. Успенскому, не склонным переоценивать силы русского общества, медленно и мучительно высвобождающегося из «духовного крепостничества», Лесков видит, что процесс обновления русской жизни противоречив и сложен.

В фокусе внимания писателя — сложная диалектика старины и новизны в общественной психологии переходного времени. Говоря о «распочавшемся» после Крымской войны очистительном движении, Лесков пишет: «Лезли в купель люди прокаженные. Все, что вдруг пошло массою, было деморализовано от ранних дней, все слышало ложь и лукавство; все было обучено искать милости, помня, что „ласковое телятко двух маток сосет". Все это собиралось сосать двух маток и вдруг бросило обеих и побежало к той, у которой вымя было сухо от долголетнего голода» (30, 135).

Как ни велик был в это время гражданский энтузиазм, в его горниле, по мнению Лескова, не могут переплавиться все застарелые пороки исторического прошлого. Власть старины еще очень велика, и она еще долго будет давать себя знать и в прихотливой изменчивости общественных умонастроений, и в причудливой хаотичности, исковерканности отдельных человеческих судеб, и в дисгармонии характеров тех людей, которые сами считают себя «новыми», обращенными к будущему.

Как и Лесков, его литературный собрат Гл. Успенский, всем, сердцем сочувствуя этому процессу общественного возрождения, тем не менее считал, что современное ему поколение в массе своей еще не накопило достаточных нравственных и духовных сил для того, чтобы, отбросив старую ложь и неправду, зажечь действительно по-новому.

Много внимания Лесков уделяет изображению людей, примкнувших к «нигилистам» не по внутреннему влечению, а из соображений моды, престижа, светского тщеславия и т. п. Это те, кто образует «накипь», «пену» движения. Лесков высмеивает в «Некуда» преисполненных самолюбования мелких людей, возомнивших себя деятелями прогресса. Однако в центре внимания Лескова — трагическая участь тех участников освободительного движения, которые вошли в его ряды по высокому душевному побуждению, сумели явить самоотверженную решимость

противостоять власти прошлого и, несмотря на все тяжелые испытания, остались верны своим идеалам. Это Лиза Бахарева, Райнер, Помада, Бертольди — все те, кого сам Лесков именовал позднее «чистыми нигилистами».

Не случайно именно эти характеры в «Некуда» показаны наиболее крупным планом. Подобно Некрасову, Лесков-художник постоянно тяготеет к изображению героических личностей, воплощающих собой духовное богатырство русского человека. Причем сущность этого богатырства в понимании писателя — в способности личности к бескорыстной самоотдаче, к подвижническому служению общему благу.

В духе этих представлений мать Агния рисует перед Женни, жаждущей обрести высокий образец для подражания, идеальный портрет ее умершей матери: «Мать твоя была великая женщина, богатырь, героиня. "Доброта-то в ней была прямая, высокая, честная... Это была сила, способная на всякое самоотвержение; это было существо, никогда не жившее для себя и серьезно преданное своему долгу» (20, 22).

Истинной героиней представляется самой Женни Лиза Бахарева, всецело поглощенная поисками высшей правды и справедливости. «Лиза умница... Она героиня, она выйдет силой, а я... я...» (20,171),—думает Женни, сознавая нравственное превосходство подруги.

Героями оказываются в финале романа и ближайшие для Лизы Райнер и Помада, примкнувшие в итоге своих социальных исканий к революционным отрядам польских повстанцев.

В концепции этих характеров легко заметить некий парадокс: желая найти в русской жизни людей, которые могли бы явить собой прямую противоположность массовому типу личности, проникнутой эгоистическими и меркантильными интересами, Лесков обнаруживает их именно в той общественной среде, в которой господствуют революционные идеи,— те самые, которые представляются ему роковыми и опасными и для личных судеб воодушевленных ими людей, и для судеб

страны.

Знаменательно, что один из наиболее близких автору персонажей — генерал Стрепетов, с беспокойством взиравший на деятельность московских прогрессистов, узнав о появлении в их кружке иностранца Райнера, стяжавшего себе репутацию честного и бескорыстного человека, заявляет, что он, конечно, социалист: «Другого-то ведь ничего быть не может» (20, 399).

Праведничество и влечение к социалистическому идеалу нередко органически сливаются в произведениях Лескова. Вспомним его повесть «Овцебык», герой которой, «библейский социалист», пытался поднять народ на революционное переустройство действительности во имя практического воплощения высоких евангельских истин.

Через 5 лет после выхода романа «Некуда», в одном из своих обзоров Лесков говорит о легендарных Тришке, Рогадском, Кармелюке и других благородных «разбойниках», которые на свой лад творили суд и расправу над сильными и богатыми, желая водворить в русской жизни правду и справедливость, как о людях поистине замечательных. «По закону все они преступники, это так, но, вникая в их психические задачи, нельзя по поводу их не припомнить слишком известной статьи И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», по которой Дон-Кихот правильно поставлен стоящим больших симпатий, чем Гамлет» (29,54).

Выводы по 4 части.

Уже в ранних произведениях малой формы — очерках и рассказах — Лесков проявил себя типичным писателем-«шестидесятником», которому свойствен пристальный интерес не только к отдельным примечательным характерам, острым психологическим коллизиям, необычным человеческим поступкам, но и к общему состоянию русской жизни, в которой многое сдвинулось с места, вызвав ломку старых патриархальных понятий и представлений.

Сознавая сложность этой художественной задачи — схватить сущность новых характеров, — Лесков попытался внести свой вклад в ее решение повестью «Овцебык» (1862). Итак, повесть полемична. Мысль автора об утопическом характере верований его героя, как мы увидим далее, получит развитие в антинигилистических романах Лескова и его позднейших публицистических выступлениях. И в то же время повесть «Овцебык» — одно из лучших, художественно совершенных произведений писателя. В обрисовке характера революционера-агитатора Лесков далек от карикатурности, наоборот, он с искренним уважением относится к герою и скорбит о его печальной судьбе.

Глубоко проникая в мотивы духовной драмы Овцебыка, Лесков тем самым сосредоточивает внимание читателей на осмыслении главного конфликта своей эпохи — конфликта между революционной мыслью и самосознанием народа, которое несло ещё на себе печать крепостнической отсталости. Свойственное Лескову горячее желание непосредственно и действенно откликнуться на зов современности, запечатлеть новые типы, новые, умонастроения, новые отношения, складывающиеся в это время в русской жизни, проявилось в его романах 60-х годов: «Некуда» (1864), «Обойденные» (1865), «Островитяне» (1866), «На ножах» (1870—1871).

«Некуда» и «На ножах», проникнутые духом идеологической пристрастности, сыграли роковую роль в дальнейшей писательской судьбе

Лескова, вызвав негодование в передовых общественно-литературных кругах. Однако написание этих романов вовсе не было случайностью ни в творческой эволюции этого писателя, ни в литературном движении его времени.

Часть 5. Место романа «Соборяне» в творчестве Н.Лескова

Выступая, в конце 60-х — начале 70-х годов с публицистическими обзорами и тенденциозными романами, Лесков в то же время создаёт хроники, повествующие о далёком и недавнем прошлом: «Соборяне» (1872), «Старые годы в селе Плодомасове» (1869), «Захудалый род» (1873—1874).

На первый взгляд, эта группа произведений занимает весьма обособленное положение среди прочих сочинений писателя. Не случайно до последнего времени хроники чаще всего рассматриваются исследователями довольно бегло и главным образом с отвлечённо-эстетической точки зрения — как мастерские зарисовки старинного русского быта.

Между тем хроники представляют собой значительный этап в творческой эволюции писателя. Органически связанные с его идейно-художественными исканиями 60-х годов, они во многом подготавливают духовный кризис Лескова, который приводит в середине 70-х годов к усилению в его творчестве критических тенденций.

Обращение к истории отнюдь не означало ухода писателя от злободневных проблем. Напротив, оно служило выражением того же критического отношения к «новым временам», которое проявилось в романах и публицистике Лескова.

Отвергая «самодовольную современность», писатель часто строил свои газетные обзоры на полемическом противопоставлении: новое — старое. Если учесть, что усилия либеральных и некоторых консервативных публицистов в это время были направлены на прославление пореформенных порядков, то следует признать, что критицизм Лескова имел прогрессивный общественный, смысл. По социально-этическому содержанию этот критицизм был близок позиции Гл. Успенского, часто строившего свои сочинения на том же полемическом контрасте «новых

времен» и старой русской патриархальности. Целью подобного сопоставления было продемонстрировать прогрессирующий процесс «оголения жизни» под натиском буржуазного предпринимательства. В своём позднем цикле «Письма с дороги» (1889)у Гл. Успенский так определяет суть перемен в нравственной атмосфере русской жизни: «Нет, положительно повсюду, благодаря пришествию этих копеечных тревог, капитала упал интерес и значение общих коренных вопросов жизни. Жизнь человеческая исчезла под наплывом суеты предприятия: люди, их печали, горести, их драмы, их муки, нужда, грех, их надежды, желания — все выбито из общественного сознания, все потеряло значение пред горем перевозок и переносок, страховок, коносаментов, винтов, тюков, ломовиков, пароходов, контролёров и т.д. Нет, не живет людей могущество и сила купона! Скуку, сухость, мелочность и тусклость вносит такой купонный слуга во все сферы жизни — и вот почему так невыносимо скучно теперь везде, где „купону" удалось развернуться более или менее свободно» (31,86) .

Ту же нарастающую в обществе индифферентность к высшим вопросам бичует Лесков в новогоднем обзоре, напечатанном в «Биржевых ведомостях» (29,54): «Век, сам себя стыдящийся, век прозы, вздыхающий о поэзии и отмечающий ее,— век, издевающийся над тем, чему бы хотел поклоняться... Да, стремление к развенчиванию всего некогда венчанного есть преобладающая страсть нашего -поколения, часто заставляющая современного человека быть крайне осторожным в выражении наилучших его чувств и теплейших упований».

Герои романа «Обойдённые», задумываясь над собственными чувствами, с горечью вспоминают то далёкое время, когда жены декабристов поехали за своими мужьями в далёкую Сибирь. Тогда любовь была высокой и героической, служение идеалу одухотворяло ее, сообщало ей высшее значение. Теперь, в эпоху торгашеской расчётливости, разъединённости людей, она мелка, безрадостна, прозаична.

Итак, сопоставление настоящего и прошлого в публицистике и художественном творчестве Лескова было тесно связано с проблемой «высших целей жизни», которая обретает особую актуальность в русской литературе 60-х — начала 70-х годов.

Сознавая огромную важность этой проблемы для молодого поколения, Достоевский не раз делает ее главной темой своих раздумий о современности на страницах «Дневника писателя». «...Всяк за себя и только за себя и всякое общение между людьми единственно для себя»,— вот нравственный принцип большинства теперешних людей... основная идея буржуазии, заместившей собою в конце прошлого столетия прежний мировой строй, и ставшая главной идеей всего нынешнего столетия во всем европейском мире»,— с горечью пишет он в марте 1877 г. и негодует против произошедшего смещения понятий: «...слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей». «А у меня именно есть таинственное убеждение,— заявляет он в декабре 1876 г.,— что молодежь-то наша и страдает и тоскует у нас от отсутствия высших целей жизни»(30,124).

В 60—70-х годах, когда под мощным напором просветительской деятельности революционных демократов рушилась система традиционных верований, с особой остротой стоял вопрос о положительном идеале. «Охранительный» лагерь, спекулируя на крайней затруднительности для революционной демократии открыто провозгласить свою положительную программу, систематически обвинял передовых писателей в том, что у них якобы вообще нет идеала, в том, что они имеют одни лишь отрицательные, «нигилистические», разрушительные цели.

Однако именно писатели передового лагеря, «нигилисты», «разрушители основ», «свистуны», как их называли в «Русском вестнике»,

имели идеал, способный увлечь молодое поколение, которого не было у многих их современников.

Не разделявшая революционных настроений, но чутко подмечавшая малейшие изменения в умонастроениях своих современников Е. Штакеншнейдер записала в своём дневнике этих лет: «Мне как-то чувствуется, что у Лаврова есть идеал, может быть, грозный и беспощадный, но есть; у других же, в том числе и у Тургенева,— никакого».

Писатели, не разделявшие идеологии официозных кругов и в то же время не принимавшие революционной программы, напряжённо искали выход из идейного тупика, в котором они оказались. О том, как велика была у них потребность в высоком общественном идеале, свидетельствует дружеское письмо И. С. Тургенева А. Фету от 4 сентября 1862 г., написанное под впечатлением известия о поражении отряда Гарибальди: «Хотя мне хорошо известно,— пишет Тургенев,— что роль честных людей на этом свете состоит исключительно в том, чтобы погибнуть с достоинством, и что Октавиан рано или поздно непременно наступит на горло Бруту,— однако мне все-таки стало тяжело. Я убедился, что человеку нужно ещё что-то сверх хороших видов и старых деревьев и, вероятно, вы, закоренелый и откровенный крепостник, консерватор и поручик старинного закала даже вы согласитесь со мной, вспомнив, что вы в то же самое время поэт и, стало быть, служитель идеала» (28,66).

Волнуемый проблемой идеала, Достоевский пишет в эти годы свой роман «Идиот» (1868). Как известно, Салтыков-Щедрин, несмотря на коренное несходство своих воззрений с воззрениями Достоевского, приветствовал появление этого романа именно за попытку «изобразить тип человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия», «положительно-прекрасного человека», как назвал героя сам Достоевский. По убеждению Щедрина, возникновение личности такого уровня развития — самая высокая и лучезарная, но еще очень дальняя задача человечества.

Близок к Достоевскому был Гончаров, утверждавший в романе «Обрыв», что в «нравственном развитии дело состоит не в открытии нового, а в приближении каждого человека и всего человечества к тому идеалу совершенства, которого требует евангелие...» (36,178). Проблемам социально-историческим он противопоставляет проблемы нравственного самоусовершенствования.

Так определяются два противоположных подхода к решению проблемы идеала, которая приковывает к себе художественную мысль русских писателей 60—70-х годов. Не только не разделяя революционных и социалистических идей, но и постоянно полемизируя с ними, Лесков в самой общей постановке этой проблемы оказывается в одном лагере с Достоевским и Гончаровым. Однако, как мы увидим в дальнейшем, он вносит в ее разработку очень много своего, что принципиально отличает его от этих двух писателей.

Прежде всего, Лесков отказывается от поисков идеального лица в окружающей его действительности. С горечью наблюдая нравственное оскудение современного ему общества, писатель обращается к прошлому и, как бы в укор своим современникам, только там находит цельные, героические характеры, одушевленные в своей деятельности стремлением к идеалу. Так возникают хроники Лескова: «Соборяне», «Старые годы в селе Плодомасове» и «Захудалый род».

Уже в силу полемического замысла, имеющего отчетливую общественную направленность, произведения Лескова о прошлом не могли уложиться в традиционные формы повести или романа. В центре внимания в них — не любовный конфликт, не отдельные судьбы, а сложные глубинные процессы, которые определяют жизнь России, расстающейся со своим патриархальным прошлым: разрушение былой общественной целостности, ослабление человеческих связей.

Изображая эти процессы, внушающие ему большую тревогу за историческую судьбу России, писатель в то же время живописует колоритные характеры людей, способных противостоять разрушительным тенденциям. Лесков сознает новаторский характер своих произведений и, верный своему правилу четко дифференцировать жанры, настаивает на том, чтобы они были названы при опубликовании не романами, а хрониками. В письме к А. А. Краевскому, датированном сентябрем-октябрем 1866 г., он настаивает: «Усердно прошу Вас, (и сам на это осмеливаюсь) в объявлении при следующей книжке не печатать „большое беллетристическое произведение“, объявить прямо: «Романическая хроника— „Чающие движения воды"», ибо это будет хроника, а не роман. Так она была задумана, и так она и растёт по милости божией. Вещь у нас мало привычная, но зато поучимся» (28, 260). Речь идёт о первой редакции будущих «Соборян».

Попытка Лескова освоить этот жанр отвечала интересам времени, не случайно аналогичные тенденции возникают в творчестве целого ряда писателей 60-х годов: Л. Толстого, Гл. Успенского, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Интересны в этом отношении наблюдения Н. Н. Страхова над складывающимся в русской литературе новым жанром, содержащиеся в его статье о романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Определяя хронику как «простой, бесхитростный рассказ, без всяких завязок и запутанных приключений, без наружного единства и связи», он замечает: «Эта форма, очевидно, проще, чем роман — ближе к действительности, к правде: она хочет, чтобы ее принимали за быль, а не за возможность». Размышления критика об известных преимуществах этой формы над романом или повестью совпадают со многими позднейшими суждениями Лескова. В русской литературе XIX в. первым использовал хронику Пушкин. В упомянутой выше статье Н. Страхов справедливо писал, что «Капитанская дочка», собственно говоря, есть хроника семейства Гриневых, это тот рассказ, о котором Пушкин мечтал ещё в третьей главе Онегина,— рассказ, изображающий «преданья русского семейства». Значение пушкинского

опыта было в своё время оценено Гоголем, назвавшим «Капитанскую дочку» лучшим русским произведением в повествовательном роде. Сравнительно с "нею, писал он, «все наши романы и повести кажутся приторною размазною. Чистота и безыскусственность вошли в ней на такую высокую ступень, что сама действительность кажется перед нею искусственною и карикатурною»(28,47). С сочувствием отмечая в позднем творчестве Пушкина нарастание способности отзываться на самые различные свойства русского характера,

Гоголь выражает уверенность в том, что со временем он смог бы откликнуться «целиком на всю русскую жизнь». Как бы наследуя у Пушкина это замечательное свойство его таланта, Гоголь создаёт произведение, совершенно оригинальное по своей жанровой природе,—«Мёртвые души», в котором он ставит перед собой гигантскую художественную задачу — охватить единым взглядом «всю Русь». Именно подобная эпическая тенденция по-своему проявляет себя и в хрониках Лескова.

Наиболее значительной из хроник Лескова явились «Соборяне». По выходе книги современные Лескову критики единодушно отметили новизну среды, описанной им: главными героями хроники оказались духовные лица отдалённого провинциального притча. Правда, писатели демократического направления (Гл. Успенский, Помяловский и пр.) уже создавали тогда произведения из быта сельского духовенства, однако в духе обличительной литературы 60-х годов они стремились прежде всего показать косность и неразвитость этой среды. Лесков при выборе героев из провинциального духовенства руководствовался совершенно иными мотивами. Он обнаруживает в этой среде людей, к которым он испытывает глубокую симпатию, так как и в обстановке нарастающего в обществе равнодушия они остаются верными своему призванию быть хранителями и приверженцами идеала.

Внимание писателя привлекают не только самобытные характеры этих людей, но и связующие их отношения — отношения многообразные, не

лишённые порой внутренней напряжённости, но искренние и сердечные, проникнутые ощущением внутреннего родства. Поэтому на первом плане хроники не одно лицо, а вся старгородская «поповка». Она составляет некий малый мир русской жизни, имеющий многочисленные связи с окружающим его миром всеобщей русской жизни и в то же время не сливающийся с ним, сохраняющий своё единство и свою известную обособленность.

Своеобразие композиции «Соборян» во многом определяется очень сложной разработкой конфликта. Вводя читателя в мир тревог и забот героев хроники, автор обнажает кричащую противоречивость русской жизни. При этом он так организует своё повествование, что в уяснении существа этой противоречивости читатель идёт от простого к сложному, от очевидного к скрытому, потаённому, от незначительного, случайного к главному. Постепенно раздвигаются временные и пространственные границы повествования, сосредоточенного вначале на описании нескольких дней из жизни уездного города. Дневник Савелия Туберозова, рассказы карлика Николая Афанасьевича о прошлом, пространные описания старгородского быта, петербургские письма Ахиллы, в которых он делится с протопопом своими впечатлениями о столице,— все это в конечном итоге дает представление о русской жизни почти на всех ее социальных уровнях и позволяет судить и о ее наличном состоянии, и о ее глубинных потенциальных возможностях.

Забавная история о «величайшей из распрей на старгородекойпоповке», возникшей из-за «одностопных тростей», знакомит читателя с противоречиями, существующими в этом патриархальном мире. Однако противоречия эти носят преходящий, случайный характер, они не в силах пошатнуть внутреннюю гармоничность жизни этих людей. Проявив «постыдную мелочность», протопоп Туберозов горько корит потом себя на страницах дневника: «Боже! на то ли я был некогда годен, чтобы за тросточку обижаться или, что ещё хуже, ухищряться об ее отличии?» (31, 81). У него достаточно сил, чтобы преодолеть слабость и жить не подобными

пустяками, а помышлениями о высоком.

Другая история, повествующая о вражде дьякона Ахиллы с местным «нигилистом» - учителем естественной истории Варнавой Препотенским, приоткрывает более значительный конфликт, который оказывает своё влияние на самочувствие всех главных персонажей хроники: конфликт между старым и новым укладами русской жизни, между характером «почвенным», самобытным и человеком-«пустельгой», сеющим семена раздора и розни только лишь из суетных соображений, слепого подчинения «веяниям» времени.

Проявляя заботу о том, чтобы повествование было достаточно занимательным, Лесков намеренно выделяет в своём рассказе все поворотные моменты этой авантурной истории, нарушившей спокойствие старгородской жизни. То он обращает внимание читателя на грозное намерение Ахиллы покарать Варнаву, по вине которого он совершил досадную оплошность и впал в немилость к протопопу. То кончает главу многозначительным сообщением о том, что дьякон и Варнава приготавливались «к большому сражению» (31, 97), то с преувеличенной серьёзностью фиксирует все перипетии этой борьбы, участниками которой становятся и приезжие «нигилисты» (в сущности, карьеристы-мошенники, давно потерявшие связь с каким бы то ни было идейным движением).

Однако и эта затянувшаяся история оттесняется затем на задний план повествования «великой старгородской драмой», составляющей главный предмет хроники. В силу особого состояния русской жизни — ее патриархальной неразвитости — эта драма вообще выражает себя не столько в действиях, поступках, в событиях, сколько в душевном самочувствии людей, в том процессе внутреннего борения дум и чувств, который они переживают, и в той нравственной эволюции, которая совершается в них под влиянием исторического сдвига. «Чтобы ввести читателя в уразумение этой драмы», автор хроники предлагает ему оставить в стороне всю приключенческую сторону дальнейшего рассказа и

погрузиться «в глубины внутреннего мира самого драматического лица нашей повести» (31, 23) - Савелия Туберозова.

Драматизм внутренней жизни этого «большого человека», каким изображает его Лесков, получает в хронике многообразные мотивировки, которые бросают ответ на противоречия и несообразности русской жизни. Постепенно становится очевидной не только нравственная несостоятельность воцарающегося в России нового буржуазного уклада, но и убийственная бедность содержания старой патриархальной жизни, в тесноте которой огромные силы протопopa остаются без применения, высокие порывы его души никнут, огненная энергия его ослабевает.

Таким образом, в центре внимания оказывается драматическое положение личности, обладающей нравственной самобытностью и целостным ощущением жизни. Герою противостоит общее состояние русской действительности, в которой, в силу ее духовной непринужденности, все лучшие стремления человека остаются нереализованными.

Образ протопopa Савелия Туберозова — одно из самых больших художественных достижений зрелого Лескова, во многом определившее значение его хроники. Создав этот колоритный характер, писатель преодолел ту сложность задачи, которую отметил Щедрин, размышляя о возможностях изображения в литературе «изумительного типа» глубоко верующего человека («За рубежом»). По убеждению Щедрина, нужно иметь «почти сверхъестественное художническое чутье, чтоб отыскать неисчерпаемое богатство содержания в этом внешнем однообразии веры» (36,21).

Восхищаясь образом Туберозова, анонимный рецензент «Гражданина» писал о нем: «Что за лицо! С первой страницы хроники ... просто и естественно, как сама жизнь, вырастает эта чудесная, величаявая фигура, раз увидев которую, никогда ее не забудешь. Та великая, «непомерная» душевная сила, которою испокон веку велась, ведётся и будет вестись история наша ... эта великорусская сила — душа — стоит теперь перед нами,

перед совестью и сознанием так называемого образованного русского общества, неотразимо стоит...»(33,74).

Желая всемерно оттенить значительность личности Туберозова, Лесков наделяет его яркой и внушительной внешностью. Волосы протопopa густы, как грива матерого льва, брови совсем черны и круто заломлены, глаза у него большие, смелые и ясные. По словам автора, в них можно увидеть и блеск радостного восторга, и «туманы скорби, и слезы умиления, и огонь праведного негодования» (31 ,6). Противопоставляя этого героя хроники людям меркантильного века, страдающим недугом «сухменности», Лесков намеренно акцентирует в характеристике протопopa предельный характер обуревающих его душу чувств. Это проявляется и в бытовом поведении Туберозова: умилившись подарками карлика, он целует его «чуть не до удушения»; растроганный высоким душевным порывом своей жены, он долго носит ее, как малого ребёнка, по ночному саду, отдаваясь общим для них грёзам о будущем. В ещё большей степени благородная горячность Туберозова обнаруживает себя в той героической одержимости, с которой он защищает от «небрежения» дорогой для него христианский идеал.

Свойственную Туберозову способность живо и бурно реанимировать на все радости и горести жизни в той или иной мере проявляют и другие герои хроники, представляющие вместе с ним старую Русь. Это не только непомерный во всех своих увлечениях Ахилла, о котором речь впереди, но и карлик Николай Афанасьевич. Выслушав его трогательный рассказ о том, как он «ожесточился», не выдержав груза всех неожиданных благодеяний своей госпожи, дьякон Ахилла умилённо восклицает: «Маленький, а как чувствует!» (31, 144). Подобную «теплоту чувств» и силу страстей обнаруживают многие любимые герои Лескова. В представлении писателя эта эмоциональная избыточность— важная коренная черта характера русского человека. В таком понимании русской национальной природы Лесков совпадал со своими современниками: А. Н. Островским, А. К- Толстым, Ф. М. Достоевским.

Обладая живой, любящей душой, Савелий Туберозов жаждет, чтобы жизнь была целостной и гармоничной. Его безмерно радует и умиляет любое, пусть самое малое проявление гармонических отношений, и, наоборот, он впадает в жестокую тоску, когда убеждается, что в окружающей действительности они чаще всего оказываются обманчивым призраком, несбывшимся упованием. В этих неизбежно настигающих его постоянных разочарованиях и состоит подлинный драматизм его жизни. Намеренно заостряя внимание читателя на характере контактов Туберозова с действительностью, автор хроники не спешит показать момент наивысшего их разлада, заставивший героя бросить вызов своим наиболее именитым и почтенным согражданам. Писатель внимательно прослеживает эти контакты в повседневном «жизнь-быть» Туберозова.

С нескрываемым волнением вводит Лесков читателя вовнутрь чистенького домика отца Савелия, где живёт он вместе со своей женой Натальей Николаевной. Душе автора мила и отрадна царящая в этом доме атмосфера тишины и покоя. В литературе о «Соборянах» уже отмечалось, что излюбленным авторским определением, часто повторяющимся в описании домашнего быта протопопа, оказывается эпитет «тихий». Такое определение не только включает в себе психологическую характеристику изображаемых отношений, но и содержит более широкий смысл, связующий эти отношения со всем укладом тихой патриархальной жизни Старгорода — маленького уездного города, стоящего над тихой рекой Турицей. Протопоп Туберозов нежно любит кроткую попадью, которая, в свою очередь, весь смысл жизни видит в неусыпных заботах о благополучии мужа. Ему внятен голос материнского чувства, побуждающий Наталью Николаевну обратиться к протопопу неожиданный вопрос о том, не был ли он в годы его молодости грешен против целомудренной заповеди и не оставил ли где «неоперённого голубёнка». Видя, что она не только хочет отыскать это несуществующее дитя, но уже любит и жалеет его, протопоп испытывает душевное потрясение. «Я, как ужаленный слепнем вол, сорвался со своего

места, бросился к окну и впери́л глаза мои в небесную даль...» (31, 39). Восхищаясь благородством Натальи Николаевны, отец Савелий склонен видеть в нем проявление общенациональных особенностей русского женского характера. «Да и вправду, поведайте мне времена и народы, где, кроме святой Руси нашей, рождаются такие женщины, как сия добродетель?» (31, 39).

Деталью, подчёркивающей устойчивость сложившихся между супругами отношений сердечности и душевного родства, служит в хронике обряд взаимного благословления супругов на сон грядущий. Они производили это благословление «всегда оба одновременно, и притом с такою ловкостью и быстротой, что нельзя было надивиться, как их быстро мелькавшие одна мимо другой руки не хлопнут одна по другой и одна за другую не зацепятся» (31, 28).

Однако из дальнейших дневниковых записей Туберозова явствует, что даже в отношениях его с женой гармония неполная. Нежно любящей его попадье не под силу груз чувств и дум, уводящих протопопа из маленького светлого домика на широкие просторы русской жизни. Душа Савелия Туберозова жестоко уязвлена общим состоянием этой жизни, в которой, вопреки его сильнейшим желаниям, не заметно движения к «доброму идеалу», а, наоборот, весьма ошутим прямо противоположный процесс разобщения, нравственного опустошения, утраты духовной самобытности.

Выводы по 5 части

Выступая, в конце 60-х — начале 70-х годов с публицистическими обзорами и тенденциозными романами, Лесков в то же время создает хроники, повествующие о далеком и недавнем прошлом: «Соборяне» (1872), «Старые годы в селе Плодомасове» (1869), «Захудалый род» (1873—1874).

На первый взгляд, эта группа произведений занимает весьма обособленное положение среди прочих сочинений писателя. Не случайно до последнего времени хроники чаще всего рассматриваются исследователями довольно бегло и главным образом с отвлеченно-эстетической точки зрения — как мастерские зарисовки старинного русского быта.

Между тем хроники представляют собой значительный этап в творческой эволюции писателя. Органически связанные с его идейно-художественными исканиями 60-х годов, они во многом подготавливают духовный кризис Лескова, который приводит в середине 70-х годов к усилению в его творчестве критических тенденций.

Обращение к истории отнюдь не означало ухода писателя от злободневных проблем. Напротив, оно служило выражением того же критического отношения к «новым временам», которое проявилось в романах и публицистике Лескова.

Итак, сопоставление настоящего и прошлого в публицистике и художественном творчестве Лескова было тесно связано с проблемой «высших целей жизни», которая обретает особую актуальность в русской литературе 60-х — начала 70-х годов.

Прежде всего, Лесков отказывается от поисков идеального лица в окружающей его действительности. С горечью наблюдая нравственное оскудение современного ему общества, писатель обращается к прошлому и, как бы в укор своим современникам, только там находит цельные, героические характеры, одушевлённые в своей деятельности стремлением к

идеалу.

Уже в силу полемического замысла, имеющего отчётливую общественную направленность, произведения Лескова о прошлом не могли уложиться в традиционные формы повести или романа. В центре внимания в них — не любовный конфликт, не отдельные судьбы, а сложные глубинные процессы, которые определяют жизнь России, расстающейся со своим патриархальным прошлым: разрушение былой общественной целостности, ослабление человеческих связей.

Лесков сознает новаторский характер своих произведений и, верный своему правилу чётко дифференцировать жанры, настаивает на том, чтобы они были названы при опубликовании не романами, а хрониками.

Своеобразие композиции «Соборян» во многом определяется очень сложной разработкой конфликта. Вводя читателя в мир тревог и забот героев хроники, автор обнажает кричащую противоречивость русской жизни. При этом он так организует своё повествование, что в уяснении существа этой противоречивости читатель идёт от простого к сложному, от очевидного к скрытому, потаённому, от незначительного, случайного к главному. Постепенно раздвигаются временные и пространственные границы повествования, сосредоточенного вначале на описании нескольких дней из жизни уездного города.

Заключение.

Особая направленность творческих исканий Лескова, своеобразие его общественно-литературной позиции во многом были определены складом личности писателя и обстоятельствами его долитературной судьбы.

С 1860 г. Лесков начал печатать свои первые корреспонденции и вскоре литература стала главным делом его жизни. Появление недавнего провинциального чиновника на арене петербургской и московской журналистики, быстрое превращение его в писателя-профессионала было характерно для русской жизни 60-х годов.

Литературная деятельность была для Лескова прежде всего наиболее органичной и действенной формой общественного служения, которому он отдался со всей присущей ему горячностью, глубоко веря в возможность обновления русской жизни в духе гуманистических идей эпохи. Первые газетные и журнальные выступления писателя, посвящённые злободневным вопросам русской жизни, проникнуты уверенностью в том, что его критические замечания и предложения согласуются с общим преобразовательским духом времени, с намерениями правительства, вставшего на путь реформ и преследующего якобы те же самые цели экономического, и культурного прогресса страны. Эту веру в эпоху и своё желание всемерно помочь начинающемуся переустройству русской жизни Лесков неоднократно декларирует в своих статьях.

Следуя провозглашённому им принципу, окрылённый высокой целью служения народному благу, Лесков развивает кипучую журналистскую деятельность: он пишет множество статей, посвящённых критике разного рода «общественных неправд».

В статье 1861 г. «О наёмной зависимости» Лесков выступает против попыток воскрешения феодальных методов эксплуатации, основанных не только на использовании труда работника, но и на полном закабалении его

личности.

В другой своей статье «О найме рабочих людей», полемически направленной против крепостнического проекта А. Бенедского, Лесков осуждает выдвижение этого проекта как безобразный, аморальный поступок, не совместимый с принципами честного человека.

Тем же стремлением воспротивиться произволу проникнута статья Лескова о мальчиках, находящихся в услужении у купцов, «Торговая кабала».

Таким образом, в центре внимания писателя оказываются этические проблемы, но в решении их уже в его ранних статьях проявляется воинственно-демократическая поэзия. Значительное место в статьях Лескова начала 60-х годов занимает вопрос о просвещении народа. Именно ему, в частности, посвящена статья писателя «Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению».

Итак, протест против крепостнического рабства, защита свободы личности, отстаивание экономических и культурных интересов народа - таков пафос ранних статей Лескова.

С проблемой свободы личности был сопряжён вопрос о женской эмансипации, широко дискутировавшийся в начале 60-х годов на страницах русской и заграничной прессы. Лесков требует уточнения самого понятия «эмансипация», оберегая его от обывательского истолкования как распущенности, и утверждает, что без образования и приобретения профессиональных навыков женщинам трудно обеспечить себе самостоятельное положение в обществе. Лесков выступал принципиальным противником революции, защитником медленного, постепенного общественного прогресса.

Началась полемика Лескова с «Современником», которая по мере своего развития приобретает все более резкий и враждебный характер.

В литературной деятельности Лескова проблемы социально-политические должны были неизбежно уступить свое место нравственным

проблемам. В то же время нравственные проблемы наполняются в осмыслении писателя большим социально-историческим содержанием: исторические судьбы страны в этот переходный момент определяются, по его убеждению, именно тем, достаточно ли объявится в обществе «хороших людей», людей твёрдых и энергических, способных к единению своих деятельных усилий в интересах прогресса.

Публицистика Лескова, во многом подготовившая его художественное творчество, убеждает нас в том, что исходная общественно-литературная позиция писателя, занимавшего обособленное положение в русской журналистике 60-х годов, несмотря на свойственную его сознанию «политическую невоспитанность», была, по своему существу демократической. Знакомство с многочисленными статьями Лескова, расширяя наше представление о его литературно-общественной позиции, подтверждает справедливость точки зрения, высказанной в своё время Б. М. Эйхенбаумом. Проявляя в своих суждениях должную «историчность», учёный утверждал, что демократизм Лескова и демократизм революционных демократов — это не абсолютно противостоящие друг другу, а родственные по своей глубинной основе явления в развитии русского общественного и художественного самосознания.

Общественно-литературное самоопределение Лескова в начале 60-х годов таило в себе некий парадокс, заслуживающий самого серьёзного внимания.

Полемизируя с «теоретиками» с позиции, «стихийного» демократизма, считая, что их устремления носят преимущественно книжный характер и не имеют ничего общего с глубинными потенциями русской народной жизни, Лесков с самого начала своей литературной деятельности сосредоточивает главное внимание на том самом изучении народной жизни, необходимость которого наиболее последовательно защищала именно революционно-демократическая критика. Обладая многосторонним практическим знанием народной жизни, немало гордясь своей органической сопричастностью ей,

Лесков с самого начала литературной деятельности встает в оппозицию ко всякого рода априорным представлениям о народе. Подобно таким своим современникам, как Некрасов и Успенский, он стремится «спуститься к самым недрам и корням народной жизни», исследовать ее реальное состояние, раскрыть ее потаённые законы.

Именно этот полемический пафос отличает уже ранние художественные произведения Лескова. В рассказах «В дороге» (1862), «Погасшее дело» (1862), «Язвительный» (1863), представляющих собой как бы снимки с натуры, Лесков, в пику отвлечённым доктринёрам с их схоластическими «рацеями о народе», приковывает внимание читателей к таким поступкам отдельного простолюдина и целого крестьянского мира.

Однако уже в ранних своих произведениях Лесков не ограничивается изображением общего потока народной жизни, в котором теряются отдельные индивидуальности. Его взгляд то и дело переносится с великого множества наблюдаемых им людей, действующих сообща, в силу единого инстинкта, на отдельного человека, жизнь которого при ближайшем рассмотрении, оказывается, не так бедна содержанием, примитивна и подчинена «роевым» законам среды, как можно было бы полагать. Писателя привлекают яркие, неординарные характеры, представляющие немалые загадки для постороннего взгляда. Именно они оказываются в центре повестей Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) и «Воительница».

В духе литературы 60-х годов (Некрасов, Достоевский, Гл. Успенский) Лесков решает положить в основу своего повествования такие события, которые как будто бы годны только для того, чтобы стать достоянием уголовной хроники.

Таким образом, развивая традиции «натуральной школы», Лесков создаёт яркий и сложный характер, убедительно раскрывает противоречивость натуры своей героини, парадоксально соединяющей в себе высокое и низменное, предельную силу чувства и звериную жестокость, способность к самопожертвованию и собственнический инстинкт, стоицизм в

страдании и безудержность страсти. При всей органической сращенности с действительностью, которая его формирует, этот характер — не простое ее отражение, он несёт в себе некую загадку, тайну, непредсказуемые повороты.

Литературно-эстетические позиции Лескова оказываются во многом родственными позициям Достоевского, который восставал против ходячей идеи русской литературы 40-х годов: «среда заела», упрощённо объясняющей, по его убеждению, человеческие поступки. С иных позиций в 60-х годах осуждали эту идею и революционные демократы, призывавшие литературу не только изучать различные болезненные искажения современной личности, но и взывать к ее активным силам, побуждая к деянию.

Уже в ранних произведениях малой формы — очерках и рассказах — Лесков проявил себя типичным писателем-«шестидесятником», которому свойствен пристальный интерес не только к отдельным примечательным характерам, острым психологическим коллизиям, необычным человеческим поступкам, но и к общему состоянию русской жизни, в которой многое сдвинулось с места, вызвав ломку старых патриархальных понятий и представлений.

Сознавая сложность этой художественной задачи — схватить сущность новых характеров, — Лесков попытался внести свой вклад в ее решение повестью «Овцебык» (1862). Итак, повесть полемична. Мысль автора об утопическом характере верований его героя, как мы увидим далее, получит развитие в антинигилистических романах Лескова и его позднейших публицистических выступлениях. И в то же время повесть «Овцебык» — одно из лучших, художественно совершенных произведений писателя. В обрисовке характера революционера-агитатора Лесков далёк от карикатурности, наоборот, он с искренним уважением относится к герою и скорбит о его печальной судьбе.

Глубоко проникая в мотивы духовной драмы Овцебыка, Лесков тем самым сосредоточивает внимание читателей на осмыслении главного конфликта своей эпохи — конфликта между революционной мыслью и

самосознанием народа, которое несло ещё на себе печать крепостнической отсталости. Свойственное Лескову горячее желание непосредственно и действительно откликнуться на зов современности, запечатлеть новые типы, новые, умонастроения, новые отношения, складывающиеся в это время в русской жизни, проявилось в его романах 60-х годов: «Некуда» (1864), «Обойденные» (1865), «Островитяне» (1866), «На ножах» (1870—1871).

«Некуда» и «На ножах», проникнутые духом идеологической пристрастности, сыграли роковую роль в дальнейшей писательской судьбе Лескова, вызвав негодование в передовых общественно-литературных кругах. Однако написание этих романов вовсе не было случайностью ни в творческой эволюции этого писателя, ни в литературном движении его времени.

Выступая, в конце 60-х — начале 70-х годов с публицистическими обзорами и тенденциозными романами, Лесков в то же время создаёт хроники, повествующие о далёком и недавнем прошлом: «Соборяне» (1872), «Старые годы в селе Плодомасове» (1869), «Захудалый род» (1873—1874).

На первый взгляд, эта группа произведений занимает весьма обособленное положение среди прочих сочинений писателя. Не случайно до последнего времени хроники чаще всего рассматриваются исследователями довольно бегло и главным образом с отвлечённо-эстетической точки зрения — как мастерские зарисовки старинного русского быта.

Между тем хроники представляют собой значительный этап в творческой эволюции писателя. Органически связанные с его идейно-художественными исканиями 60-х годов, они во многом подготавливают духовный кризис Лескова, который приводит в середине 70-х годов к усилению в его творчестве критических тенденций.

Обращение к истории отнюдь не означало ухода писателя от злободневных проблем. Напротив, оно служило выражением того же критического отношения к «новым временам», которое проявилось в романах и публицистике Лескова.

Итак, сопоставление настоящего и прошлого в публицистике и художественном творчестве Лескова было тесно связано с проблемой «высших целей жизни», которая обретает особую актуальность в русской литературе 60-х — начала 70-х годов.

Прежде всего, Лесков отказывается от поисков идеального лица в окружающей его действительности. С горечью наблюдая нравственное оскудение современного ему общества, писатель обращается к прошлому и, как бы в укор своим современникам, только там находит цельные, героические характеры, одушевлённые в своей деятельности стремлением к идеалу.

Уже в силу полемического замысла, имеющего отчётливую общественную направленность, произведения Лескова о прошлом не могли уложиться в традиционные формы повести или романа. В центре внимания в них — не любовный конфликт, не отдельные судьбы, а сложные глубинные процессы, которые определяют жизнь России, расстающейся со своим патриархальным прошлым: разрушение былой общественной целостности, ослабление человеческих связей.

Лесков сознает новаторский характер своих произведений и, верный своему правилу чётко дифференцировать жанры, настаивает на том, чтобы они были названы при опубликовании не романами, а хрониками.

Список использованной литературы.

1. Каримов И. Жахонмолиявий-иктисодийинкирози,
Узбекистоншароитидаунибартарафэтишнингйулларивачоралари. – Т.:
Узбекистон, 2009. – 56 б.
2. Каримов И.
Мамлакатимиздадемократикислохларниянадачукурлаштиришваыукар
оликжамиятиниривожлантиришконцепцияси. – Т.: Узбекистон, 2010. –
56 б.
3. Каримов И. Узбекистон Республиками мустакилигининг 19
йиллигабагишлангантаналимаросимдасузи, «Узбекистоновози»
газетаси, 2010 йил 1- сентябрь;
4. Каримов И. «Мамлакатимизни модернизация килишйулиниизчилдавом
– таракиетимизнингмухимомилидир», «Ишонч» газетаси, 2010 йил 8
декабрь;
5. Каримов И. «Барча режа
вадастурларимизватанимизтаракиетиниюксалтириш,
халкимизфаровонлигиниюширишгахизматкилади», «Халксузи»
газетаси, 2011 йил 22 январь;
6. Гоголь Н.В. Собр.соч. и писем. В 7 т.-М.: Художественная
литература,1989.
7. А. И. Герцен. Сочинения и письма. - Прогресс,1979.
8. Даль В.И.Воспоминания. – Наука,1990.
9. Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской
литературы. В кн.: Литературно-критические статьи. -М.:
Художественная литература,1987.
- 10.Добролюбов Н.Сочинения и письма. –М.:Учитель,1990.

11. Достоевский Ф. Дневник писателя. -М.: Художественная литература, 1987.
12. Гончаров Н. Письма. -М.: Художественная литература, 1987.
13. Курочкин Н. С. Статьи. – М.: Наследие, 1981.
14. Лесков Н.С. Воительница. В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. Т.5. -М.: Художественная литература, 1987.
15. Лесков Н.С. Вопрос об искоренении пьянства. В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. Т.6. -М.: Художественная литература, 1987.
16. Лесков Н.С. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе. В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. Т.5. -М.: Художественная литература, 1987.
17. Лесков Н.С. Захудалый род. В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. -М.: Художественная литература, 1987.
18. Лесков Н.С. Заметка о зданиях. В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. -М.: Художественная литература, 1987.
19. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. Т.4. -М.: Художественная литература, 1987.
20. Лесков Н.С. Некуда. В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. Т.5. -М.: Художественная литература, 1987.
21. Лесков Н.С. Несколько слов о врачах рекрутских присутствий. В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. Т.6. -М.: Художественная литература, 1987.
22. Лесков Н.С. Овцебык В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. Т.3. -М.: Художественная литература, 1987.
23. Лесков Н.С. О замечательном, но неблагоприятном направлении некоторых современных писателей. В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. Т.4. -М.: Художественная литература, 1987.
24. Лесков Н.С. О наемной зависимости В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. Т.6. -М.: Художественная литература, 1987.
25. Лесков Н.С. О найме рабочих людей. В Полн. собр соч. и писем. В 6 т. Т.5. -М.: Художественная литература, 1987.

- 26.Лесков Н.С.О переселенных крестьянах. В Полн.собр соч. и писем.В 6 т. Т.5.-М.: Художественная литература,1987.
- 27.Лесков Н.С.О рабочем классе. В Полн.собр соч. и писем.В 6 т.Т.5. -М.: Художественная литература,1987.
- 28.Лесков Н.С. Письма . В Полн.собрсоч.иписем.В 6 т. Т.6.-М.: Художественная литература,1987.
- 29.Лесков Н.С.Русские литературные забавы. В Полн.собрсоч .иписем.В 6 т. Т.5.-М.: Художественная литература,1987.
- 30.Лесков Н.С.Русские общественные заметки. В Полн.собр соч. и писем.В 6 т.Т.5. -М.: Художественная литература,1987.
- 31.Лесков Н.С. Соборяне. В Полн.собрсоч .иписем.В 6 т.Т.4. -М.: Художественная литература,1987.
- 32.Лесков Н.С.Старые годы в селе Плодомасове. В Полн.собр соч. и писем.В 6 т.Т.3. -М.: Художественная литература,1987.
- 33.Троицкий В. Ю. Сочинения Николая Лескова. – М.:Наука,1988.
- 34.Л. Г. Чуднова. Статьи. – Л.: Знамя, 1975.
- 35.Н. В. Шелгунов. Заметки о литературе.- М.: Учитель, 1982.
- 36.Щедрин М.Е.Сочинения и письма. В 5 т.- М.:Прогресс,1993.
- 37.[www. tdpu. uz](http://www.tdpu.uz)
- 38.[www. pedagog. uz](http://www.pedagog.uz)
- 39.[www. Ziyonet. uz](http://www.Ziyonet.uz)
- 40.[www. edu. uz](http://www.edu.uz)
- 41.[www.yandex. Ru](http://www.yandex.Ru)
- 42.[www. rvb.ru](http://www.rvb.ru)
- 43.[www. philology. ru](http://www.philology.ru)
- 44.[www. ruthenia. Ru](http://www.ruthenia.Ru)
- [www. google. ru](http://www.google.ru)